

Иван Карасёв

Ниточка железны

Иван Карасёв
Ниточка жизни

«Автор»

2020

Карасёв И.

Ниточка жизни / И. Карасёв — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98450-9

Это история женщины и её любви. Тяжёлая жизнь приёмьша в семье колхозников, работавших за трудодни-«палочки». Учёба, первая и единственная любовь, которую главная героиня, не подозревая о том, пронесла через всю свою жизнь, война и трудные послевоенные годы, нелёгкая работа и постоянное желание вырваться из беспросветного круга погони за куском хлеба. Наконец, удача поворачивается лицом к молодой девушке. Она материально обеспечена, удачно устроена личная жизнь. Но пришло ли счастье? Было ли оно? Этот вопрос ей не будет давать покоя до конца дней.

ISBN 978-5-532-98450-9

© Карасёв И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая. Медсестра	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Иван Карасёв

Ниточка жизни

Глава первая. Медсестра

– Женщина, не надо два талона, могу только крупу взвесить, яиц нет! Приходите завтра, завоз обычно часов в десять! – Усталая продавщица с ножницами в руках в очередной раз отодвигала назад карточки расстроенной обладательнице небольшенькой пачки типографских листиков со стандартным набором продуктовых названий: хлеб, сахар, крупа, мука, масло, молоко и так далее.

– Да, но видите, я карточки склеила, а то их столько теперь, что запутаешься – растерянно пробормотала покупательница, на вид обычная ткачиха с фабрики, что стояла неподалёку, – если вы мне отрежете крупу, у меня яйца отвалятся! – В её голосе уже были слышны нотки некоторого возмущения.

– Слушайте, у вас яйца отвалится не могут! По определению! – В разговор встрял какой-то пьянчужка.

– А ты не хами, не твоё дело! Напился, иди проспись! – и уже заискивающе продавщице:

– Девушка, ну может найдётся полдесятка хотя бы? Мне блины надо спечь, у мужа день рождения, а в доме шаром покати. Вчера на работе задержали, позавчера вообще митинг был. Против британских империалистов в Индии и Пакистане. Слыхала? Страна такая есть – Паки-стан, – женщина по слогам произнесла слово и продолжила, – а к вам придёшь, а у вас уже пусто!

– Ну я тут ни при чём, помочь не могу. Не задерживайте очередь! – «девушка» предпенсионного возраста явно хотела поскорее избавиться от докучливой покупательницы.

Очередь в лице всё того же пьянчужки ехидно улыбнулась и, «подбадривая» расстроенную жену именинника, произнесла растягивая каждое слово:

– Приходите завтра, дама! Это наш девиз! А сейчас угомонитесь же наконец!

Та буркнула в ответ что-то нечленораздельное и, явно недовольная, быстро зашагала прочь.

Потом подвыпивший юморист повернулся к продавщице и, совсем как старый знакомый, попросил:

– Танечка, ну а мне на закусон, ты знаешь, килечки какой, лучше в томатном соусе, ну а нет, так что попроще, без карточек.

Танечка, действительно, была в курсе гастрономических предпочтений пьянчужки. Она быстро вытащила откуда-то, наверное, из загашника, какую-то банку с криво наклеенной красной бумажкой, взяла протянутую замусоленную десятку, быстро отсчитала сдачу и вопросительно взглянула на Зину. Она была следующей и последней в очереди.

– Мне тоже, пожалуйста, кильки!

– Больше нет, это была последняя.

– Жалко, – разочарованно протянула Зина, – тогда вот эту, – она показала на железную банку с изображением петуха, это были консервы из куриных потрохов.

«Вот так всегда, так каждый день, не везёт, – вздохнула Зина, – и надо радоваться, если по карточкам досталась не чайная колбаса, а докторская. Ну хоть что-то».

Вчера после смены у Зины на ужин вообще только чай с сухарями остался. В магазине не успела отовариться. Он закрывался в девять. Сестра-хозяйка задержала, и всё из-за каких-то вонючих наволочек. Ну Зина-то тут причём была, постели санитарки стелют, а не медсёстры. Но вот надо было найти на ком отыграться. И нашла. Все уже ушли, ночная смена работает. А

Зину толстая тётка из пятой палаты не отпускала, всё спрашивала, а как у неё, а что у неё. И как лечить надо, а что у Зины спрашивать-то, у лечащего надо, только он на обходе не обходит, а облетает эту зануду. Что там у неё и так всем понятно, жрать меньше надо! Всю блокаду в столовой для железнодорожного начальства провела. Жирела, когда люди умирали. И вот тебе расплата. Сбрось килограммов двадцать для начала – одышка уйдёт, сердчишку легче стучать будет. Вот не может Зина встать и сказать, как Мария Ивановна: «Всё, больная, я доктору передам!» И уйти красиво. Так, оглядывая палату, с высоко поднятой головой, мол, я вас поняла, товарищи больные, предпримем всё возможное. Не ускользнуть тихонько, как Зина обычно делала, пользуясь первой же возможностью, а уплыть величаво словно пава. Так, чтобы палата потом долго обсуждала кому и когда клизму поставят.

А вот Зина не может, ну пока не может. Молодая, люди понимают, но подождите. «Это сейчас на меня всё валится, но я научусь, тоже с уважением и надеждой смотреть будете. Это сейчас мне вечно не везёт, и на ужин чай с сухарями, погодите, придёт время...»

* * *

Нельзя сказать, что по жизни Зине не везло всегда, всё-таки двухгодичную школу медсестёр окончила и из беспросветной деревенской грязи вырваться сумела. Но только везения в том было мало, главным образом упорство и желание. Желание сделать так, чтобы не как у всех: не на поле горбиться за трудовни-палочки, и не с коровой в хлеву радоваться жизни, выгребая навоз, не в избе под лучиной чью-нибудь рубаху штопать. Да там ещё показаться нельзя было, чтобы дядька или тётка не погнали куда, за водой или бельё стирать на реку.

Ведь судьба не очень благоволила Зине. Когда ей было пять лет, погиб отец. Разбирали кулацкий дом. Лес нужен был под коровник. А тут дом пустой стоит. Никто не хотел в него вселяться, боялись. Сказывали, бывшие хозяева заговорили избу. Не будет счастья тому, кто в неё переедет. Так оно и случилось, даже жить не нужно было, тронуть хватило. Вот дёрнул сосед дядя Митя за верёвку раньше времени, и покатилося толстенное бревно, батьке прямо на спину, а другому по голове. Тот, которому по голове, тот сразу помер. А батька ещё пару дней помучился. Соседка даже мать стала жалеть, а не отца: «Ну как же ты теперь с ним да с двумя малыми будешь? Лучше бы уж он оставил тебя, уйти ему надось». Зина сама слышала и поражалась – батька же жить хотел, как все жить хотел, а его уже хоронили.

А на похоронах тёща сосланного кулака так совсем не постеснялась. Крикнула вдогонку: – Это вас Бог наказал за вашу безбожную власть, за ваши дела богопротивные. И ещё хуже будет. Вот помянете моё слово!

Кто-то метнулся старухе рот заткнуть, да председатель, что шёл рядом с мамкой, рукой махнул мужику:

– Оставь её, Елисей, что она? Из ума выжила от горя, чё с неё возьмёшь. Сама откинется, без чужой помощи.

Всё в детской Зининой памяти отложилось, всё до последнего словечка. Потом председатель речь сказал, правда, она не поняла почти ничего, а мамке слово дали, так та и выдавить из себя ни звука не смогла, разрыдалась только.

Но через четыре года и матери не стало. Скрутила её болезнь нутряная. Работала много, в колхозе и по хозяйству, Зина хоть и помогала уже, да на огороде от неё толку мало было, силёнок не хватало, слабенькой росла, разве что на прополку да курей покормить и пол в избе протереть. Мать ела плохо, мало, всё им оставляла, ей и Стешке, сестре младшей. Вот и испортила себе желудок. Это Зина уже потом поняла, когда медиком стала. Тогда только диагноз запомнила – язва.

Впрочем, ей было без разницы, язва, не язва, а мамки не было. Как жить дальше? Самим не потянуть. Председатель сказал в город, в приют детский, отвезёт. Там, мол, таким как ты с

сестричкой младшей хорошо, кормят, поят, одевают. Но Стешка заплакала, когда про приют прознала, семь лет с половиной, всё понимает. Там уже не как у мамки под крылом, там не забалуешь. Спирька из последнего, перед полем, дома рассказывал: подъём утром, строем на завтрак, едим по команде, встаём по команде. Да ещё старшие норовят хлеб отобрать, что заныкаешь на обеде. Не положено, говорят и, смеясь, тут же себе в рот засовывают.

Спирька не выдержал, сбежал через месяц, к родственникам попросился. Хоть и не родное гнездо, но всяко лучше, чем в детдоме. Стешка, как услышала рассказы такие, так заревела, к Зине прижалась, кричит и трясётся вся:

– Не хочу, не хочу в детдом.

Зина никогда особых чувств к сестрёнке не испытывала, всё лучшее ведь ей отдавали, она маленькая, младшенькая. Мать только жалела Зину, гладила её по совсем неместного цвета чёрненьким косичкам и приговаривала: «Ты же большая уже у меня, подожди, наладится жизнь у нас». Наладилась, да уж.

Но тут у Зины в сердце что-то шевельнулось, как кольнуло. Она притянула Стешку к себе и медленно, еле слышно, но твёрдо проговорила:

– Не пойдёшь, не бойся, я всё сделаю, завтра же. Ты только кур покорми, а я уйду с утра.

Едва первые лучи солнца забрезжили из-за леса, Зина сунула три сухаря в карман перешитого мамой специально для неё пиджачка и наладилась в Трешево, за четырнадцать вёрст. Там дядька жил. Папин брат. У него своих ртов было числом не малым, и жалостью того мужика не проймёшь. Зина знала. Мать как бы им трудно не было, никогда ничего у родича не просила. Что толку? Туда идти – потеряешь день, а вернёшься с пустыми руками. Да он даже брата в последний путь проводить не пришёл, своя рубашка, мол, ближе к телу, а брат, что? Отрезанный ломоть. И сгнивший. Значит бесполезный.

Но мама, уже болевшая, чувствуя, что недолго ей осталось, научила Зину, как дядьку уговорить. Она лежала без движения на полатях, только постанывала и смотрела в одну точку на потолке. Потом подозвала Зину и, глядя ей в широко раскрытые, напуганные предстоящей бедой, глаза, тихо произнесла:

– Зинка, там за иконой, пошуруй рукой, там маленький свёрточек лежит.

Зина удивилась:

– Какой свёрток, мам, ты о чём?

– Достань, поймёшь, – с трудом выдохнула слова мама.

Зина подтащила тяжёлый табурет к красному углу, где в обрамлении посеревшего от времени полотенца стояла на полочке закопчённая до черноты икона Иверской Божьей матери с Божьим сыном. Перед сном они с мамой молились Деве Марии, святой Заступнице, как говорила мать. Правда Зина не понимала зачем, ведь в школе говорили, Бога нет, что это придумали богатые, чтобы дурачить бедняков.

Табурет, сколоченный отцом из толстого кружка-обрезка от бревна и четырёх кургузых ножек, был почти неподъёмным. Зине даже пришлось отдышаться немного, прежде чем забираться на него. А когда она встала босыми ножками на крашеную мебелину, просунула тоненькую ручонку за образец, то, действительно, достала аккуратно свёрнутую малюсенькую тряпочку.

– Смотри, не рассыпь, поднеси, – еле слышно простонала мама, – положи на стол и разверни.

Зина повиновалась и охнула. Такой красоты она ещё не видела – перстень с ярко-зелёным камнем и серёжки с бледно-голубыми блестяшками. Они так и переливались в солнечном луче, дотянувшись из окна до стола посередине избы.

– Это от моей бабушки. Она красавицей была писаной. Купец сватался, а она отказала. Вот, когда меня... когда я... В общем, когда останетесь без меня, ты их отдай дядьке и скажи, чтоб взял вас, а сама помогай ему во всём. Вот, – силы матери иссякли, и она закрыла глаза.

Назавтра её снова на подводе увезли в больницу, и оттуда она уже вернулась закутанная в рогожу.

А Зина добралась до Трешево ещё когда солнце поднималось и не доползло до самого верха своего дневного пути. На спуске перед самой деревней она присела в тени ольхи и заплакала. Она плакала долго и горько, в глазах вставали лица матери, батьки, родная изба и образок на полочке. Она вытирала запыленными ручонками слёзы, размазывая грязь по лицу, но слёзы текли снова. Когда она, наконец, успокоилась, то сделала всё, как велела мать. А мать не ошиблась. Дядька как увидел драгоценности, аж затрясся. Вопрос был решён сразу, без промедлений. Но всё же родич не удержался и взял с Зины слово помогать во всём, во всём в чём сможет. А с каждым годом она ведь будет мочь всё больше.

На следующий день дядька сам явился к ним, порешил всех кур, заколотил окна да их со Стешкой забрал. И двинулись они в Трешево с двумя котомками своих нехитрых пожиток, там, в дядькиной избе-пятистенке с закопченным перед печкой потолком, началась новая жизнь. Зине и Стеше выделили лежанку около двери в сени. Когда кто-то выходил ночью до ветра, а дядька обязательно выйдет то по нужде, то покурить, коли тепло, тогда дверь сильно хлопала, била по ушам, так что первое время Стешка просыпалась от стука и начинала подвывать. Зина её успокаивала, старшая сестра всё-таки. Сверху шикали, в этой же половине, на тёплой печной лежанке на городских матрацах спали хозяйские девчонки. С ними отношения у Зины долго не складывались.

Где теперь Стешка? В сорок четвёртом её в армию призвали, регулировщицей служила, письма присылала: страшно, конечно, писала, под бомбами да снарядами, зато на личном фронте успехи, намекала, что любовь завертелась с офицером молодым. А дальше связь оборвалась: Зина в Ленинград перевелась, а письмо Стешке вернулось с пометкой: «Адресат выбыл». Родственники деревенские от Стешки тоже ничего не получали. Может сгинула в круговерти военной, там даже маршалы погибали, а уж регулировщицы... Или может теперь в офицерских жёнах ходит. В театре сидит в мехах, шампанское пьёт в буфете и стесняется родни лапотной. Ничего, я из лаптей ноги высунула, туфельки на каблучках тоже носить буду. Дай время. А мужа достойного не найду, так и ладно, ребёночка сама рожу и выращу сама.

* * *

– Ты куда прёшь, дура?

Резкий голос спереди заставил Зину вздрогнуть. Она замерла на полушаге и медленно опустила поднятую ногу. Впереди в тротуаре зияла огромная дыра. Меньше метра оставалось до неё, а ещё утром не было ничего.

– Что на обойти соображала не хватает? – обладателем неприятного резкого голоса оказался сморчкового вида мужичок в заляпанной серой фуфайке. – Совсем не смотрят под ноги! А потом из-за них говна не оберёшься!

Растерянная Зина стояла на краю ямы и медленно приходила в себя. Отвечать сморчку она не собиралась, да он и не ждал. Убедившись, что был услышан, он продолжил ковыряться в какой-то трубе.

«Так я могла завалиться на самое дно в эту грязную жижу да ещё, не дай Бог, сломать себе что-нибудь. Когда я перестану пережёвывать свою жизнь? Да прямо на улице. Так и под трамвай попасть не долго! – Зина вздохнула и сказала себе самой с неожиданной твёрдостью. – Когда другие завидовать будут, тогда и перестану! Вот так! Будут завидовать!»

– Ну иди уж, чё стала? Двигай отседова подальше! – проорал сморчок и матерно выругался.

Зина не заставила его повторять и ускоренным шагом направилась к серой громаде общежития, видневшейся впереди. Когда-то это было вполне приличное здание, говорят, чей-то

особняк. Какого-то генерала или адмирала. Или не особняк, а его доходный дом, квартиры сдавал. Зачем генералу каждый день пыхтеть, поднимаясь на шестой этаж? В любом случае, шикарное здание было, судя по многочисленным башенкам и треугольным кусочкам крыши. Но за последние тридцать лет дом превратился в мрачную коробку с почти полностью осыпавшейся штукатуркой, выкрошенным чуть ли не до половины кирпичом на фасадной, западной, стороне и ржавой крышей. Освещённые светом «лампочек Ильича» прямоугольники окон светились как лампы в старой закопченной церкви.

Уже совсем стемнело. Тяжёлое ленинградское небо низко нависало над городом и, казалось, вот-вот разродится дождём. «Успела, – облегчённо вздохнула Зина, – не придётся как вчера до полуночи сушить утюгом через тряпку промокшее пальтишко». За утюгом Зина ещё в очереди сидела целый час, не она одна сподобилась попасть под осенний ливень.

Зина для порядка показала пропуск полной вахтёрше с отёкшей сизой физиономией, та молча кивнула, и Зина повернула на лестницу с обшарпанными стенами и разбитыми ступеньками. Когда утепляли крышу прошлой осенью прямо по ним на салазках таскали мешки с песком, и теперь почти на каждой ступеньке красовались сколы, порой сантиметров на шесть. Пару недель назад одна девчонка из их больницы, замечтавшись, не заметила опасности и, поставив носок в пустоту, покатила вниз. Ничего не сломала, но стонала и охала долго.

Ну вот и коридор – два ряда окрашенных, наверное, ещё до первой пятилетки дверей. При слабом свете двух болтающихся на собственных плетёных шнурах лампочек выдавшая виды побелка приобретала зловещий серо-синий оттенок, окрашенные в традиционный грязно-зелёный цвет стены были исцарапаны и исколоты до предательски-белой штукатурки. Чуть ли не каждый день по проходу таскали столы, стулья, шкафчики и даже кровати. Комендантша решала, что где-то они нужны больше, а другие обойдутся. Но мебели просто не хватало. Будь её в достатке и стены были бы целей. Зина вздохнула и повернулась к комнате, обозначенной покарёванным овальным номером 65, надавила на ручку, открыла дверь и чуть не влетела в тазик с замоченными трусами и лифчиками. Из глубины раздался голос: «Осторожней, под ноги смотри!» Стоял запах влажного белья и варёной перловки. Зина не ответила. Собственно, ответа никто и не ждал, она скинула пальто, повесила его поверх чужой фуфайки на гвоздик и достала из авоськи свой ужин. Было темновато: лампочка над кухонным уголком позавчера опять перегорела, и как всегда никто даже заявку на новую не написал. «Надо будет послезавтра зайти к комендантше, кроме меня ведь некому».

Соседки уже поели: на единственном столике пирамидкой сложили помытую посуду. Четыре девчонки, завербовавшиеся в Ленинград из соседних областей, работали в одной смене на ткацкой фабрике и столовались вместе, по очереди дежурили по кухне. Зина жила особняком, к тому же со своим графиком в их компанию она не вписывалась и поэтому всегда ела в одиночку. Сегодня будет так же, как всегда. Немного лучше, чем вчера, всё же консервы из куриных потрохов обещали некоторое разнообразие по сравнению со вчерашним бледным чаем с сухарями. Она достала из сумки хлеб, который успела отovarить и, открыв личным ножиком банку (сестра-хозяйка не пожалела, спасибо ей хоть за это), намазала толстым слоем однородную коричневую массу на отрезанную горбушку. Есть хотелось так сильно, что заниматься чаем она была уже не в состоянии. Запах содержимого банки был отвратительным, напоминал куриный помёт и слегка отдавал какой-то химией. Зина, тем не менее, после первого куска, намазала второй, а потом и третий. Уж очень хотелось есть, а там и банка кончилась. «Ну хоть так, – решила она и добавила, – всё не на пустой желудок. Там и до язвы, как у матери, недалеко».

В туалете она стянула резинкой волосы в хвостик, быстро простирнула носочки и трусики, повесила их сушиться на батарее в комнате, переделась в ночнушку и легла. На продавленном матрасе спать было не удобно, но Зина приспособилась. В любом случае, надо бы уснуть поскорее. Толстая стрелка будильника переползла через цифру «10», а завтра вставать в

шесть. Это-то после вчерашней короткой ночи. Соседки тоже готовились ко сну, они в первую смену на этой неделе, значит, поднимутся ненамного позже Зины.

Заснуть не удалось. Сначала девчонки долго обсуждали новые нормы выработки. Конечно, не обошлось без привычного ора. На лежащую в кровати Зину никто не обращал внимания. Это было обычным делом. Она среди них, фабричных, почти голубая кровь, медсестра. Знали бы что такое быть в больнице молодой медсестрой из провинции! Как санитарка судки порой выносишь. А соседки смотрят косо, чуть ли не за зазнавшуюся интеллигентку принимают. Вот и сейчас, как будто её нет в комнате.

С другой стороны, их можно понять. Кому понравится, когда повышают нормы? Работать больше надо, а деньги те же. Зина, лёжа под тоненьким, протёртым до дыр одеяльцем, слушала соседок и постепенно начала думать о своём. Сон совершенно прошёл. В голову опять полезли воспоминания: мама, Стеша, дядька...

Жизнь в дядькином доме была однообразная и невесёлая. Поначалу сильно не хватало мамы. Зина даже с ней разговаривала каждый раз перед сном. Смутный образ матери вставал в сомкнутых глазах, и Зина рассказывала ей о своих бедах, маленьких и больших. Их не то что было много, но как-то беспросветно жилось у дядьки. С утра, до школы, надо задать корм курам. Эту обязанность возложили на Зину. Она и не возражала никогда. Сама понимала: мамин драгоценности кормёжку и кров за все годы не покроют. Надо помогать родственникам по хозяйству. Но у тех своих трое росло и старшая почти как Зина по годам, шесть месяцев разница, а по росту и телу так и вовсе взрослее. Но её, Катьку, мать берегла и только миски на стол просила принести («Катенька, рыбка моя, мисочки нам поставишь?»), а грязная посуда доставалась Зине. Дров для печки принести – тоже Зина, в избе подмести, а в субботу и отшоркать некрашенные полы – опять Зина, огород прополоть – Зина, картошку копать со взрослыми – только Зина, травы для кролей нарвать – снова Зина. Больше всего Зина не любила бельё зимой в проруби полоскать. Почему-то эта совсем не детская работа обычно сваливалась на неё. Вода в речке, б-р-р-р, холоднющая, пальцы колет, прокалывает холодом насквозь, а надо мочить, водить туда-сюда, пока мыло не сойдёт полностью, потом вальком отстучать.

Вот Стешка как-то вклеилась в компанию дядькиных недомерок и счастливо избегала Зининой участи. Устроилась. Бегала, играла с ними, пока в школу не пошла. А как пошла, так вместе со средненькой дядькиной Танькой за уроками долго сидела. И тётка их не тревожила. «Учитесь, учитесь, девочки, это вам пригодится!» – приговаривала она и ставила им чай с сахаром. Зину-то, наоборот, попрекнёт, что, мол, пора и честь знать: «Науки от тебя никуда не уйдут, а куры без корма нестись не будут!»

Но нет худа без добра. Зина зато из школы домой не спешила. Стала задерживаться в читальне, там и книжку почитает, и уроки поделает, сухарик погрызёт и дальше читает. Всё равно дома не дадут, найдут, чем занять. Тётка поругает иногда, что поздно, да не сильно, больше для порядка. Всё дитя в школе было, а не где-нибудь. Самой-то только два года отучиться удалось. Читала по складам. А Зина постепенно, к классу четвёртому, приучалась к книжкам и в классе стала одной из лучших. Считала быстро, писала грамотно.

Однажды попала ей в руки книга о русских художниках-передвижниках. Тогда Зина впервые прикоснулась к миру искусства. Она подолгу разглядывала суровые лица на картинах Сурикова и Репина, застывшую, но такую живую, природу на полотнах Шишкина и Саврасова, сказочные сюжеты Васнецова. Зина и сама потянулась рисовать. Делала наброски карандашом на любом клочке бумаге, попадавшемся под руки. Деревня, школа, стадо на выпасе. Всё, что видели её детские глазки, всё пыталась Зина передать на листе. Получалось не очень хорошо. Зине не нравилось. Но учительница хвалила. Говорила, что она умная и способная девочка и, что ей надо учиться. И когда встал вопрос идти в семилетку или нет, для Зины он был заранее решён. Только дядька с тёткой отпускать не хотели. Ещё бы: в двенадцать лет девка в деревне уже работник, да как назло телом Зина наливаясь стала, на неё и смотрели как на добрую

рабочую лошадку. А тут она целый день на учёбе пропадать будет, школа за шесть вёрст. «Не пойдёшь!» – категорически заявил дядька. Пришлось учительнице Людмиле Петровне прийти к ним домой и объяснять, какая Зина способная девочка. Но дядьке хоть кол на голове теши:

– Не отпущу девку, в колхозе рабочих рук не хватает! Да и дома дел невпроворот! Я цельный день в поле, жонка на ферме!

Так-то оно так, но про то, что доярки коровник почистят, коров подоят и домой бегут, к своим пеструхам, было известно всем.

А дядька не мог уgomониться:

– В школу ей, понимаешь, надо. Мне ваша школа масло на хлеб не намазывает! А я всех корми! А трудодни лишние на иждивенцев не дают в колхозе!

Но учительница у них была не промах. Умела разговаривать с деревенскими, ещё с Гражданской войны, когда девчонкой молодой по подразвёрстке ездила хлеб с них, куркулей несознательных, выколачивать. Тогда, конечно, легче было. Придёшь, наганом перед носом такой контры помашешь, и он как миленький, выдаст свои пару десятков мешков зерна. Зато и ребят сколько из обрезов положили, не счесть. Устроят засаду в лесу, перебьют чоновцев и хлеб общественный разворуют. Сволочи, не добились их, вот они и осмелели. Собственность частная во всём виновата, мелкобуржуазная стихия, были бы настоящие сельхозкоммуны, и разговоров бы таких не было. Понимаешь, девка ему в хозяйстве нужна, лошадь нашёл. Да у них вообще детей отбирать надо, чтобы вот такими уродами не выростали! Людмила Петровна спокойно выслушала дядьку, демонстративно стряхнула грязь с сапог на чистый пол, достала пачку «Беломора» из кармана замызганной фуфайки, в таком наряде она через деревенские лужи прыгала, выщелкнула одну папироску. Закурила. Без спросу присела на стул, отодвинутый от стола, положила ногу на ногу и принялась без стеснения сверлить глазами хозяев. Дядька с тёткой от удивления дар речи потеряли. А Людмила Петровна, выдержав, как профессиональный актёр, паузу, выпустила облако дыма прямо в нос растерявшейся тётки и выстрелила последним аргументом:

– Вы что ж, выходит, против линии партии? По всей стране вводится обязательное семилетнее образование. А Клещёвы против. Так и запишем. Фамилия ещё какая. Ты, часом, не из мироедов, не из кулаков будешь? – обратилась она уже исключительно к дядьке.

Тот аж задрожал.

– Не-е, середняки мы. Давно, у прадеда мельница была, так это ещё при барах было. А потом сгорела она. Мы – трудовое крестьянство, колхозники. И Советскую власть уважаем.

– Ну вот и хорошо, что уважаете. Значит, Зина, слушай меня. Завтра тебе дам справку об успеваемости. Отнесёшь её в семилетку, в Андронову. Ясно?

Зина кивнула. А учительница продолжила:

– В следующем году уже никто пятый класс не пропустит! Не пустите в этом году – в следующем уже контрреволюционную деятельность притянуть смогут там – она неопределённо махнула рукой в сторону леса, – так что шуточки кончились, товарищи колхозники! Стране нужны образованные граждане!

Людмила Петровна загасила сигарку о стол и бросила на пол. Дядька с тёткой молчали. Упоминания о «там» было достаточно, они уже, скрепя сердце, отпустили Зину. Наконец дядька выдавил из себя:

– Ай, и пушай иде, коли охота. Мы же за Советскую власть. Супротив неё никогда не были.

Зина не поверила своим ушам. Она сама очень-очень хотела учиться дальше. Понимала – учёба вытащит её из этого деревенского болота. Постояла немного, от неожиданности глотая, как лошадь, воздух ртом и расплакалась.

* * *

– Зина, Зин! – кто-то толкал её в плечо.

Зина с трудом разодрала веки, потёрла глаза руками и различила в темноте Варю – одну из своих фабричных соседок.

– Чего?

– Что случилось? Ты уже минут десять рыдаешь, всех разбудила! – в голосе Вари слышалось неподдельная обеспокоенность.

– А-а-а, нет, ничего, сон плохой приснился. Прости.

– Да ладно, ты не стесняйся если что. Мы тоже ведь люди, понимаем, даром, что необразованные.

– Спасибо, – протянула Зина и уткнулась лицом в подушку.

«Тоже мне нашла образованную! – пронеслись в голове горькие мысли. – Могла бы стать, кабы не война. После школы медсестёр, поработав года три и закончив вечернюю, можно было поступать в институт. Зина только на мгновение представила себя на обходе. Идёт важная, в белом халате, сзади-сбоку с историями болезней медсестра. Больные с видимым напряжением ждут своей очереди. Когда она, такая величавая, авторитетная появится наконец и скажет своё веское слово. Но это в мечтаниях, а так смогла она лишь с горем пополам восьмой и девятый за три года закончить.

По распределению оказалась в железнодорожном медпункте, в городке Бологое. Там сразу поступила в вечернюю школу рабочей молодёжи. Да тянула с трудом, работы прибавилось: война, бесконечные дежурства на крышах станционных построек. Станция узловая, её днём бомбили фугасами, а по ночам зажигательные бомбы кидали. Конечно, Зина, как молодой специалист должна была и на работе успевать, и дежурить в МПВО – местной противовоздушной обороне. Как страшно было, не передать, особенно, когда земля дрожала после удара тяжёлой авиабомбы. Тряслось всё – дома, деревья, стены, вокзальный перрон. Хорошо, около медпункта подвал надёжный был, каменный, дореволюционный, там и прятались. От прямого попадания и он, конечно, бы не спас. Но пронесло. А деповским не повезло. Сирена завывала с опозданием, и вторая бомба разнесла половину постройки. Кого сразу на месте, кого балкой пришибло насмерть. Двадцать два трупа потом вынесли. Тут уж не до школы было. Да и закрылась она в ноябре. Ждали, что немцы после Калинина на Бологое повернут. Но на всё у них силёнок не хватило. На Москву попёрли. А Бологое в сторонке осталось. Потом две зимы Зина еле-еле отучилась на тройки, уроки учить некогда было. Но, когда в сорок четвёртом предложили в Ленинград, она не раздумывала ни минуты. Ленинград! Вечерняя школа по боку. Ленинград! Это же столица! Там есть, где развернуться!

И вот прошло три года, а Зина работала всё в той же железнодорожной больнице. На учёбу мОчи не было. Съели её все эти годы. Только книжку про красивую жизнь почитать вечером, не больше. И кормёжка слабовата, а вместе – упадок сил. Их даже на любимое рисование не оставалось. Лишь изредка возьмёт карандаш и прямо на вырванном из тетрадки листочке изобразит унылый вид из окна – одно дерево и обшарпанную штукатурку стены. Какая уж тут учёба? Каждую весну обещала себе записаться в вечернюю школу, и всякий раз в августе не могла себя заставить пойти и подать заявление. «Эх, кабы не война, училась бы сейчас в Первом медицинском, например, здесь, в Ленинграде, а так, только нагоняи получай неизвестно за что. Хорошо ещё, что тогда, в сорок первом, успела распределиться в железнодорожный медпункт. Оттуда хоть на фронт не брали. Вот Валю забрали, и с концами».

Сон не желал возвращаться. Зина глянула на стрелки будильника, отражавшие свет уличного фонаря. «Половина третьего, надо постараться уснуть. Думать о чём-нибудь приятном и засыпать. Время есть».

Времени было много, ещё добрых три часа до пронзительного звона, и молодой организм быстро взял своё. Зина, забормотала про себя, чтобы уснуть: «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль». Первая и последняя, наверное, любовь Зины и эта грам-пластинка, играющая песню. «Снятся твои золотистые косы снится веселая звонкая даль». ... Через десять минут она сладко спала. На этот раз ей снился летний сад, танцплощадка, весёлые мелодии, девчонки, кружащиеся с кавалерами в вихре вальса...

* * *

На следующий день Зина едва не опоздала на смену. В первый трамвай втиснуться не удалось. Пришлось ждать следующего, а он пришёл только минут через пятнадцать и полз как черепаха. Пока народ набьётся, пока кондукторша внутри порядок наведёт своим командным голосом: «Проходим, граждане, проходим, не толпимся у дверей!» Зина обругала себя. Нечего на трамваях ездить. За это время успела бы и так добраться, на своих двоих, и пятнадцать копеек экономии.

От остановки бегом до больницы. Там – до отделения по лестнице на третий этаж. Всё бегом. Старшая сестра, Мария Ивановна, в обиходе МарьВанна, рано состарившаяся женщина тридцати пяти лет с видимым неудовольствием проводила строгим взглядом спешащую переодеваться Зину. «Ну вот опять на неё попала. Что за невезение!» – промелькнуло в голове. Но расстраиваться было некогда. Надо смерить температуру в двух последних палатах, там ночная обычно не успевала, записать данные, взять анализы у лежачих больных. Процедура не из приятных, но это тоже работа медсестры. Потом проверить выпил ли лекарства Сироткин – одноногий инвалид-диспетчер. Он постоянно пытался увильнуть от приёма медикаментов. Даже выкидывал их в мусорное ведро, пока Зина не поручила утреннюю выдачу таблеток более ответственному соседу. Затем пройти по отделению перед обходом. Там посмотреть, здесь глянуть. Проверить как поели, пока санитарка Фима не унесёт посуду. В общем дел, как всегда, невпроворот. Да ещё дёргать за рукав будут, останавливать, требовать, чтобы с ними поговорили, рассказали всё про их болезни. Ох уж эти больные!

Зина быстро разобралась со всеми делами и стала ждать заведующего. Он вот-вот должен подойти. Вышла в коридор, там Фима деловито протирала пол. Мимо проскользнул один симпатичный обитатель пятой палаты: высокий, черноволосый машинист из депо витебской дороги. И не старый – лет тридцать всего.

Фима, перехватив Зинин взгляд, выжала тряпку и с заговорщицким видом шепнула:

– А что, кавалер хоть куда. И на тебя заглядывался, кстати, я сама видела.

– Ой, Фима, вечно ты мне женихов подыскиваешь! Нету их нынче! Там остались, – Зина кивнула в сторону коридорного окна, выходящего прямо на юг, где за домами прятались Пулковские высоты, – а те, что есть, сильно переборчивые, на них по пять девчонок вешается.

– Да не, говорю ж тебе, я справки наводила. Женщины из соседней палаты всё знают. Разведённый, не пьёт. Ну как машинисту пить, подумай сама! И на тебя заглядывался, точно. Ты девка симпатичная: волосы: всем бы такую смоль, брови чёрные и глазищи карие бездонные. А фигура? Эх, кабы не жизнь впроголодь у тебя б такие формы развились. Мужики бы падали. Только штабелями укладывать.

Зину, действительно, можно было считать статной красавицей, если б не слишком бледный цвет лица, плохо сочетавшийся с её большими ярко-карими глазами и аккуратными чёрными бровями (два раза в неделю выщипывала), римским носом с небольшой горбинкой посередине, жадными, чувственными губами, и тёмно-каштановой до черноты кипой волос, которые при желании Зина могла отпустить чуть ли не до пояса. Только по производственной необходимости стриглась под Любовь Орлову. И в летнем сарафане даже при всей скудости послевоенной кормёжки классическая фигура-«рюмочка» с крупными, гроззящими прорвать

слабое укрепление в виде лифчика, грудями заставляла оборачиваться порой мужчин, отягощённых взятой под ручку второй половиной.

Фима, потерявшая мужа на войне, окинула восхищённым взглядом Зинины пропорции, невольно сравнивая их со своими сдутыми мячиками под халатиком, и с завистью в голосе протянула:

– Мне такие данные, я бы развернулась!

– Конечно, Фима, конечно. Я подумаю. Но вот уже Квадрат Иваныч идёт. Ты тряпкой-то работай, а то заругается. Грязь не любит. Сама знаешь.

Кондрат Иваныч действительно надвигался, его из-за прямоугольной формы лица, обрамлённого коротенькой прямой чёлкой и массивными челюстями, да тяжёлого, давящего взгляда за глаза звали Квадрат Иванычем. Это был крупный, плотного телосложения мужчина лет сорока. Он шёл по длинному, плохо освещённому коридору в сопровождении ординатора, молодой невзрачной плоскогрудой врачихи в толстых очках, только закончившей институт. Поздоровался с Зиной, назвав её Зиной, и, в который раз, мысленно сняв с неё всё лишнее, тайно облизнулся. Кондрат Иваныч с некоторых пор активно подбивал клинья под Зину. Первые года полтора-два, казалось, даже не замечал сменной младшей медсестры, а потом как прорвало. Оставаясь с ней наедине, пытался пододвинуться поближе, коснуться коленями, если сидели. Однако Зина не принимала ухаживаний женатых мужчин. И, если честно, то и вовсе не была благосклонна к попыткам противоположного пола приударить за ней. После той страстной и нежной любви, что случилась у них с Валею перед самым его уходом на войну, ей хотелось, как минимум, чего-нибудь похожего. А короткие попойки и последующая постель, были совсем не в её жанре. К тому же она не могла до конца забыть Валею, его руки, его губы, его страсть, его нежность.

Они познакомились на танцплощадке. Оказалось, почти коллеги. Валею учился совсем рядом с Зиной, он заканчивал фельдшерскую школу. Раньше это и вовсе было одно учебное заведение – медицинский техникум. Потом их разделили, но сама судьба соединила: Зину – симпатичную шатенку, почти брюнетку, с завидной фигурой и Валею – высокого, стройного блондина и, как это водилось в то время, спортсмена. Он занимался десятиборьем. Валею нельзя было назвать красавцем. Широкие татарские скулы, многовековая дань русского народа своим средневековым поработителям, и узенькие тёмно-карие глаза совсем не отвечали канонам мужской красоты. Но на всё это была посажена густая копна кудрявых светло-серых, почти белых волос, которые, дай им волю, накрыли бы полностью широкие, дугообразные плечи атлета.

Поцеловались они в первый раз в тот самый вечер, когда познакомились. Все танго и фокстроты Зина отдавала только Валею, хотя имелись и другие претенденты. Вообще-то она не очень сильна была в движениях, из деревни всё же, но все были примерно на одном уровне. Валею тоже. Вдвоём у них что-то получалось. С каждым разом всё лучше. Они прокружились часа два. Поэтому Валею должен был, просто обязан, проводить свою напарницу до общежития. Там, на пороге, прощаясь, он вдруг положил левую руку ей за голову, сильным, но бережным движением притянул к себе, впился пылающими губами под нос. Он немного не попал, но она и не думала уворачиваться, а напротив, сама подтянулась чуть выше и нашла его жаркие уста.

Поцелуй был долгим, почти бесконечным. Лишь открывшаяся дверь и противный, визгливый голос вахтёрши прервал их первое земное счастье:

– Клещёва, тебе что особое приглашение надо? Время, закрываю! У-у, народ бессовестный пошёл, прямо на улице, прямо под дверями целуются. Уж не могли местечка поукромнее найти! – дверь захлопнулась снова.

Они долго не могли оторваться друг друга. Валею не отпускал её, он держал обеими руками лицо Зины и целовал её в щёки, в губы, в нос, в глаза, даже, как ребёнка, в лоб. Казалось,

он хочет обцеловать её всю, но только место совсем не подходило. Потом обхватил за талию, сцепив руки в замке, и они, прижавшись телами, долго стояли без движения.

Наконец, Зина прошептала:

– Пора. А то она и вправду закроет дверь, она может. Да ещё завтра на меня комендантша в школу телегу напишет.

– Пора, – согласился Валя и отпустил Зину. Она повернулась к старой двери с облупившейся коричневой краской и табличкой «Женское общежитие школы медсестёр». Эта вывеска всегда смешила Зину, как будто в школе медсестёр могло быть мужское общежитие! Но сейчас она не видела ничего, кроме мрачного дверного створа, который через мгновение разъединит их.

Зина обернулась:

– Завтра увидимся?

– Конечно, только послезавтра у меня зачёт.

– А у меня после-послезавтра. Давай в среду. Так даже лучше, после консультации я буду свободна целый день.

– Давай, буду ждать, я за тобой зайду в двенадцать. Идёт?

– Идёт!

В среду они провели почти весь день в городском парке на берегу реки. Там хватало укромных местечек, и вечером Зина шла домой с распухшими губами. Усталая и счастливая, а то, что через два дня экзамен, и она ещё не в зуб ногой, её совершенно не смущало. Главное – у неё был Валя!

Их роман с поцелуями в парке и на пороге общежития продолжался почти месяц. Уже все подруги знали и спрашивали, когда свадьба. Про серьёзность намерений даже не заикались. С Зиной и так всё было понятно. Она расцвела, как весенний цветок, глаза блестели, улыбка не сходила с лица, оно светилось неподдельным женским счастьем.

– Зиночка, ты что-то задумалась. Продолжаем обход, – мягкий, всегда вкрадчивый, когда обращался к Зине, голос завотделения вернул Зину в больничную реальность. Вот она тут, рядом назойливый Квадрат Иваныч. И никакого Вали, его никогда больше не будет. Никогда. И эта кривая плоскодонка Ирина, хм, Николаевна окидывает её, Зину, пренебрежительным взглядом. «Да кто ты такая? Подумаешь, институт закончила. В эвакуации всю войну яблоки узбекские ела. Да я бы тоже закончила, если б бы родилась в Ленинграде, а не в забытой Богом глуши».

Но для Квадрата Иваныча Зина с готовностью отронила от себя грустные воспоминания и, как рядовой в строю, почти гаркнула:

– Извините, задумалась. Больше не повторится!

Обход, действительно прошёл без сучка, без задоринки. Зина вовремя подавала Квадрату Иванычу истории болезней, попутно напоминая врачу о хворях каждого больного. Заведующему даже не понадобилось листать бумагу, настолько чётко и обстоятельно Зина описывала ему дела любого пациента. Очкастая ординаторша даже рта ни разу не раскрыла. «Вот так тебе, знай наших!» – Зина победоносно глянула в её сторону.

– Да, Зиночка, тебе бы учиться дальше, ты уж добей свой десятый класс, а дальше я помогу, – Кондрат Иванович был в курсе Зининых проблем с обучением.

– Спасибо, Кондрат Иванович, обязательно добью. – поблагодарила Зина, а про себя подумала: «Как бы эта помощь мне боком не вышла. Спасибо, товарищ завотделением, я уж как-нибудь сама!»

День прошёл как обычно, ничего особенного не случилось. Рутинка: «Сестра, когда меня выпишут» или «попросите судно поменять». Всё, как всегда. Только на обед в довесок к жиденькому супчику дали необычайно вкусные мясные котлеты с макаронами. «Что с ними

случилось? – недоумевала Зина, имея в виду столовский персонал, – ревизия пришла что ли? Ну да твоё какое дело, котлеты вкусные, мясистые, уже хорошо».

В восемь, сдав смену ночной медсестре, она с чувством огромного облегчения засунула свой белый халат в шкафчик. Посмотрела в окно, не пошёл ли дежурный дождь. Промокать не горела желанием. Слава Богу, дождик даже не собирался. Редкие облака подсвечивало заходящее солнце. «Завтра выходной, уж отоварю всё, что смогу, и отрез на новое платье куплю. До Гостиного Двора доеду, но куплю, – и опять поймала себя, – да, вот чему приходится радоваться – карточки отоварю, отрез куплю. Ну так, маленькие женские радости. Я же такая, как все». Зина задумалась. Она такая, как все, нет уж, она ещё покажет, она ещё добьётся в жизни своего места. Так, что очкастая Ира-ординатор завидовать будет! Да, добьётся!

* * *

Отрез, действительно, нигде невозможно было купить. Ни в промтоварном, ни в ближайших «Тканях», до которых надо было ехать три остановки, ничего подходящего не было. Только какие-то старушечьи тона. А Зине хотелось чего-нибудь весёленького, молодёжного, с большими белыми цветочками на синем или красном фоне, например, или в мелкий, ну можно и в средний горошек на зелёном или светло-коричневом. Зине попала интересная выкройка и при помощи ножной машинки, что стояла в гладильной комнате, она рассчитывала сшить себе новое платье. Не доставало лишь материала.

Коммерческие магазины были Зине не по карману, поэтому пришлось-таки на переключных добираться до Гостиного Двора. На своём трамвае доехала до Садовой, а там пересела на «тройку» и вышла у Невского проспекта. Зина любила Невский, его суету, машины и магазины. Красавец «Елисейевский» с огромным, этажа в три-четыре окном на фасаде. Да что окно – сколько всего в нём, жаль, что по коммерческим ценам. На зарплату медсестры не разгуляешься. А «Норд» с его конфетами в стеклянных ящичках и пирожными на полочках! Да и вообще на Невском здорово. Красиво! Дома со львами и амурчиками, с башенками и мудрёными завитушками. Недавно восстановленный после блокады Гостиный Двор на их фоне совсем не смотрелся. Простенький такой, с колоннами только, но зато какой огромный! И будет ещё больше, когда полностью отремонтируют. Столько магазинов, столько товаров! Жаль, что всё по карточкам. Но с этим у Зины было всё в порядке. И тут уж она наверняка найдёт своё сегодняшнее счастье.

Она почти час блуждала вдоль бесконечных прилавков с не улыбочивыми продавщицами, но её ничего не устроило. На этот случай у Зины имелся запасной вариант, достаточно было перейти Невский и войти в «Пассаж». Там тоже было неплохо. В просторной центральной галерее Зина любила бывать. Красиво. В здании работало отопление, и Зина, сняв пальто, перекинула его через левую руку. Было не очень удобно, но хоть не жарко. Наконец, уже почти отчаявшись, на втором этаже Зина нашла кофейного цвета ткань в мелкий светлый горошек. Нет, конечно, белый материал с разнокалиберными зелёными и коричневыми пятнышками-цветочками смотрелся лучше, но Зина не решилась брать маркий цвет. Заляпаешь, потом не отстираешь. А так – и миленько, и практично, и душа лежит к нему. И всего-то сорок «одежных» купонов! Осталось ещё на носочки.

Но, когда продавщица завернула товар, и Зина, расплатившись, стала уходить, произошло нечто совершенно неожиданное и непонятное. За ней увязался какой-то мужик. Высокий, плечистый дядька в чёрной куртке. Больше ничего толком Зина не рассмотрела. Но и этого хватило. Ей стало не по себе. Он шёл следом, держась на расстоянии трёх-четырёх метров. Зина сначала подумала – случайно, маршруты совпали. Но она проходила мимо отделов, минула лестницу на первый этаж, а незнакомец неуклонно следовал за ней. Что ему надо? Чего он хочет? Хотел бы познакомиться, уже бы давно подвалил. А он идёт и идёт следом. Хочет

выследить и напасть? Зачем? Изнасиловать? В прошлом году в парке около общежития нашли мёртвой девчонку с фабрики, её взяли силой и убили. Соседки рассказывали: те, кто ходил на опознание, блевали прямо в морге – всё тело измочалили злодеи, ни одного живого места не оставили. Что ей делать? Как поступить? Милиционера не позовёшь, засмеют. Зина ускорила шаг, пока она в магазине, он не тронет. Но рано или поздно надо будет выйти. И там, там улица с галереей, где за каждой колонной он может наброситься. Зина сообразила – надо идти в сторону Невского, там много народа, легко раствориться в толпе или вскочить в отъезжающий трамвай. А если он тоже успеет? Доведёт её до дома, а там после войны пустырей не мало. Зина сообразила – надо бежать, если он побежит за ней, тогда уж никаких сомнений. Надо просто добежать до милиционера на входе и выложить ему всё. Тот и сам поймёт – девушка, убегающая от здорового мужика – это в «Пассаже» не каждый день случается. И Зина побежала, пиная локтями удивлённых посетителей.

– Девушка, подождите, пожалуйста, – раздалось сзади.

Зина, замедлив темп, обернулась – преследовавший её незнакомец махал рукой.

– Подождите, у Вас платок из кармана выпал.

Зина притормозила и машинально сунула руку в правый карман пальто, беленький, с вышитой ей самой звёздочками носовой платочек действительно отсутствовал.

– Ой, точно.

– А Вы что подумали? Я ничего плохого Вам не сделаю, – почти кричал мужчина, не обращая внимания на удивлённых покупателей и двух продавщиц мужской обуви. При ближайшем рассмотрении он оказался не таких уж солидных габаритов, ростом выше среднего, только и всего. Да и куртка на нём совсем не чёрная, а тёмно-коричневая.

Зина наконец полностью остановилась – даже, если платочек только предлог, здесь среди людей не тронет. Но всё равно какой-то странный, не мог сразу крикнуть.

– Подождите, – её преследователь запыхался и пытался перевести дух, – подождите. – повторил отдышавшийся незнакомец приятным баритоном. – Извините, я должен был сразу к Вам обратиться, но очень не хотел это делать прямо там, в отделе. Я там бываю иногда и примелькался уже. А потом Вы так рванули, что между нами всё время люди были.

Зина, успокаиваясь, начала корить себя за излишнюю подозрительность: «Нервы никуда, ну в «Пассаже»-то как я могла такого себе накрутить в голове?» Она не отвечала, лишь только рассматривала незнакомца. Умный, глубокий взгляд красивых карих глаз, длинные чёрные ресницы. Аккуратно причёсанные волосы закрывали большую часть высокого лба интересной волнистой чёлкой – она сначала уходила немного вверх и вправо, а затем спускалась вниз, доходя почти до бровей. Вообще это был мужчина в годах, лет этак пятьдесят, уверенный в себе. В целом, внешним видом он здорово выделялся из общей массы. Интеллигентный, прилично одетый, в полурасстёгнутой дорогой, явно не нашего пошива, кожаной куртке из-под которой выглядывал аккуратный галстук. Мужчина, отдышавшись, деликатно кашлянул, наверное, чтобы вывести Зину из заторможенного состояния, и заговорил с ней так, как будто в галерее магазина больше никого не было:

– Извините, я хотел задать Вам один вопрос. Теперь можно. Ничего плохого, повторяю, в моих намерениях нет, – уверил интеллигент в курточке и сунул Зине носовой платок.

Зина не переставала удивляться, но потом, хотя она не любила уличных знакомств и приставаний, однако, несколько мгновений поколебавшись, она неожиданно для себя ответила:

– Х-х-хорошо, пожалуйста.

Вокруг сновали люди, в основном, женщины, суетились продавщицы, но на несколько секунд весь мир для Зины сосредоточился на этом симпатичном пожилом человеке с умным, изучающим взглядом. Казалось, когда он смотрит на неё, он уже всё понимает про Зину и её жизнь.

– Знаете ли, я художник, пишу картины. Среди моих персонажей много женщин. Я здесь, в этом отделе неслучайно оказался, не догадываетесь почему?

– Честно говоря, нет, – Зина почувствовала, что человек этот ей интересен, хотя бы потому, что он художник, ведь было время, когда она так хотела заниматься живописью, но не довелось, – не понимаю почему. Ищите сюжеты для своих картин? – наугад выпалила она.

– И да, и нет. В отделе тканей или дамской одежды всегда можно увидеть что-то интересное в женских повадках, это так. И порой в местах, где собирается много женщин, простых женщин с улицы, я нахожу любопытные темы. Но сейчас я ищу кого-нибудь, кто бы согласился мне позировать. Я много писал девушек, особенно спортсменов. До войны у нас массовый спорт был в большом почёте, и мои картины его пропагандировали. Моя фамилия Водозовов. Не слышали?

– Нет, честное слово, я очень люблю живопись, но всё как-то не хватало времени на современных художников. Я больше по передвижникам. – Зина запнулась, поняв, что сморозила глупость, на которой может легко попасться. Книжку о передвижниках она и вправду перечитала раза три, но это было больше десяти лет назад. – Знаете, учёба, работа, потом война. Не до того было.

– Понимаю, ну вот заодно и прикоснётесь к миру искусства. Этот труд неплохо оплачивается. А я б с огромным удовольствием написал с Вас несколько картин. У вас редкая в наше голодное время фигура, очень правильная женская фигура. Линия бёдер, талия, грудь, в общем, вы – настоящая находка для художника!

Тут Зину чуть не передёрнуло, наверняка придётся раздеваться. «Нет уж, ни за какие шиши! Старый извращенец! Не, я не из таковских!»

Она резко бросила:

– Извините, я не буду. Я тороплюсь, – и повернувшись на каблуках быстро зашагала прочь. Но назойливый деятель искусства нагнал её и чуть ли не насильно сунул в руку свою визитку.

– Возьмите, если передумаете, там мой телефон.

Зина положила карточку в дерматиновую сумочку, ведь это её ни к чему не обязывало, сухо попрощалась и двинулась к выходу. Главное было сделано, теперь остаток дня она будет строчить на машинке.

Но не судьба была ей в тот день заниматься шитьём. Прямо в проходе Зина столкнулась лоб в лоб со своей потерявшейся три года назад сестрой.

Зина охнула. Глаза на лоб полезли. На несколько мгновений даже дар речи потеряла. Перед ней замерла в таком же изумлении Стеша. Только не та деревенская девчонка, которую она видела последний раз за год до войны. Другая Стешка стояла перед ней – молодая симпатичная женщина, которая умеет ухаживать за собой и, что немаловажно, имеет возможность. Зина с некоторой завистью смотрела на сестру: губы накрашены в ярко-алый цвет, на веки нанесены тени, на ресницы – тушь, на голове красная, не нашего фасона, шляпка. Но ещё больше поразило Зину тонкого сукна светло-бежевое пальто, явно подобранное под цвет соломенных волос сестры. Не чета Зининуму дешёвому пальтишку на все случаи жизни, от июльского ливня до противного ноябрьского дождя!

«И откуда только набрала всего этого, даже тушь в магазине не купишь, а уж пальтецо такое!» – мелькнуло в голове у Зины. Но, пока сёстры стояли с открытыми ртами не в силах выдавить что-нибудь из-себя, явилась разгадка чудесного превращения Стешки. Из-за спины её вырос бравый подполковник с двумя рядами орденских планок на груди. «А-а, всё-таки зацепила офицера, шмотки наверняка трофейные. Да мне-то что завидовать? Ну и молодец, нашлась Стешка!».

Наконец Стешка устала моргать своими голубыми глазами и выдавила из себя:

– Зинка, Зиночка! – и бросилась обниматься.

Зина схватила в объятия младшую сестру и заплакала – вот так неожиданно она встретила единственного родного человечка на всей Земле.

Стеша тоже не удержалась, пустила слезу, но первая взяла себя в руки.

– Зина, познакомься, это Миша, мой муж, – она, слегка отстранившись в сторону, подтолкнула молодцеватого подполковника вперёд.

– Михаил, – произнёс тот коротко и протянул руку.

От вытиравшей слёзы Зины не укрылся оценивающий взгляд – подполковник «прочесал» её с ног до головы. «Ой, бабник, ой, намаешься ты с ним, Стешка», – мелькнуло, но вслух тоже только коротко представилась:

– Зина, – её ладошка утонула в широкой клешне Стешиного мужа, – очень приятно.

«Подполковник, а манер не знает. Девушка первой должна подавать руку».

– Зинк, ты как тут оказалась? Мы-то проездом из Германии. Михаил новое назначение получил в штабе округа, вот третий день гуляем по Ленинграду, а сегодня вечером у нас поезд. Господи, как жаль, что мы тебя раньше не встретили! – затараторила Стешка, она и в детстве отличалась говорливостью. Бывало, начнёт какую-нибудь важную ерунду рассказывать, не остановить.

– Живу здесь, перевелась после снятия блокады, медсестёр в Ленинграде не хватало.

– Да ты ленинградка теперь!

– Выходит, да, – ответила Зина, незаметно вздохнув. Да уж, из неё ещё та ленинградка, девятый год жизни по общежитиям мается, впятером в одной комнате. И все ленинградки.

– А давайте где-нибудь посидим? У тебя как со временем, Зин? – осведомилась Стеша.

– Да нормально, сегодня выходной.

– Мишенька, куда ты нас пригласишь? – повернулась Стеша в сторону мужа.

«Умеет из своего благоверного верёвки вить, девка не промах, – с некоторой завистью отметила про себя Зина, – хорошо устроилась, но и он тоже не отстаёт, вон опять на мою грудь пялился. Надо будет в платье декольте чуть побольше сделать. Не слишком, но так, чтобы благодаря ему формы поднимались».

«Мишенька» взглянул на большие трофейные часы, почесал за ухом. «Да, действительно, манерами не отягощён. Даже Квадрат Иваныч ему 10 очков вперёд даст», – опять констатировала Зина.

– Ну можно в «Метрополь», он совсем рядом, и кормили там неплохо вчера.

– Конечно, котик мой, веди нас! – скомандовала Стешка.

Они просидели в ресторане часа четыре. Большущий зал, потолки метров в десять, балкон. Лепнина на стенах и над головой, белые колонны, которых венчают какие-то замысловатые подушечки, Зина забыла, как они называются. И люстры хрустальные, огромные, тяжеленные, даже взглядом чувствовалась их подвешенная масса, и дорогушие наверняка. На круглых столах скатерти белейшего цвета, без единого пятнышка, стулья мягкие с кожаными подлокотниками и бархатными спинками. Сидели среди этой красоты, впрямь, будто буржуи в старые времена. И официант услужливый в надежде на щедрые чаевые, естественно, старался. Опорожнили три бутылки кахетинского вина, поели борща, эскалопов, не забыли про десерт. А вначале Зина как меню коммерческого заведения увидела, так попыталась уйти в глухую оборону, мол, ничего не хочу, только лимонада с булочкой. В ответ Стешка рассмеялась: «Не стесняйся, Зин, Мишенька угощает, мы в Германии на пайке жили, оклад на книжку шёл. Вот теперь гуляем».

За вином разговор полетел быстро и легко. Зина рассказала свою историю, Стешка – свою. Как попала она на фронт в сентябре сорок четвёртого, на Сероцкий плацдарм за Наревом. Все остались в тылу, а их отделению дали команду переправляться – на том берегу регулировщицы тоже нужны были. Натерпелась. Бомбёжки, обстрелы. Но зато со своим Мишенькой познакомилась. Он ещё капитаном был, только-только батальон принял. Там и ранило её.

Малюсенький осколок авиабомбы в двух сантиметрах от сердца застрял. «Значит, тогда письмо не нашло её и вернулось» – сопоставила события Зина. Прележала полтора месяца в армейском госпитале, потом вернулась в часть. Мишенька ведь её оттуда в буквальном смысле слова выкрал. Ну договорился, конечно, и к себе в штаб батальона, в связистки. Дело не хитрое, ручку индукционного генератора крутить. Но опасное, всё же километр до передовой. «Даже медаль заработала, – не преминула сообщить Стешка, – «За боевые заслуги». Сразу после Победы, 10 мая, их расписал командир дивизии, он в Действующей Армии вместо советской власти, вместо ЗАГСа. В общем, царь и Бог.

Стеша лишь умолчала о том, что любовь к Мише уже поостыла. Замечала она, как её благоверный других баб рассматривает порой. Это тогда, в сорок четвёртом, она молодая, влюблённая и неопытная не видела ничего. Со временем многое стало в Мишеньке открываться, даже про его короткий роман с машинисткой из штаба полка знала. Знала, но молчала. Какая-то внутренняя интуиция подсказывала ей, что не надо копыя ломать на тему конкуренток. С одной покрутит, с другой, а Стеша-то останется. Вот только Бог дал бы поскорее ребёночка, и тогда уже точно никуда не уйдет. За аморалку карьеру поломает, а на это он не готов.

Два месяца назад Стешку демобилизовали. Могли бы и раньше, да смысл? Всё рядом с родным Мишенькой. Лучше его перед глазами держать. Он в Ленинградский округ назначение получил, а в следующем году в академию поступать будет. «Перспективный», – заключила Зина и ещё раз зыркнула в его сторону. Не красавец, но и не урод. Лет тридцать, никак не больше. Среднего роста, широкоплечий, лицо слегка рябоватое, в детстве оспой, наверное, переболел, но черты правильные – нос аккуратный, глаза карие, не утоплены и не навывкате. Стрижка – полубокс модный, виски выбриты полностью, дальше чуток волос, а сверху горка, зачёсанная слева направо. В итоге – вполне приличный кавалер, особенно с учётом карьерного положения. «Да, повезло Стешке, генеральшей будет, – в который раз за день позавидовала Зина, – если только вовремя родит».

Однако с ребёночком у Стешки не складывалось пока, то не завязывалось, а когда завязалось – выкидыш случился. Стешка переживала сильно, даже всплакнула, рассказывая эту историю.

«Ну да успеет ещё, ей только двадцать два года стукнуло. А мне и не с кем, и желания пока нет. Самой бы жизнь устроить для начала. Да как? Такие подполковники на дороге не валяются, холостые тем более. Разобраны все вот такими, как Стешка моя», – рассуждала Зина, попрощавшись с сестрой.

«Пора нам, Зинк, ещё вещи в гостинице забрать надо», – извиняющимся тоном сказала тогда Стешка. Ей от выпитого хоть бы хны, привыкла, видать, на фронте, а у Зины в голове изрядно шумело. Подполковник на прощание вдруг проявил чудеса галантности и поцеловал Зине руку, задрав при этом каким-то чудным способом голову, так что взгляд его кобелиный упёрся в Зинин. «Ой, бабник! И зачем ему Стешка, что он в ней нашёл? Разве что глаза. А так ведь не красотка, если взглядеться. Худоцава. Волосики жиденькие, не то, что моя шевелюра. А перед ним девки рядами падать должны в наше-то время, – с завистью заключила Зина, – ну да это их дело».

Зина как в воду глядела. Подполковник Мишенька и на самом деле был большим специалистом по женской части. За четыре года войны он заставил плакать немало вдов и солдаток. Самой первой была хохлушка с Полтавщины, приютившая беглого пленного. В Киевском окружении Мишина часть оказалась зажатой со всех сторон, и после бесплодных попыток прорваться, стоивших немалой крови, сдалась почти в полном составе. Только Миша сбежал на привале, колонне пленных дали перевести дух, а Мишка скатился потихоньку в ложбинку и затаился в кустах. Потом, пока не стало опасно, две недели отсиживался у молодой чернобровой обладательницы длинной косы и двоих малых сорванцов. Как ни упрашивала его Олеся, Миша был неумолим, пошёл на восток, только краюху хлеба взял у полюбовницы. Добрался

до своих, про плен умолчал и дальше воевал. Был ранен много раз, награждён, успевал и по службе, и по женскому полу в многочисленных городах и весях России и Белоруссии. Но к Стешке привязался по-настоящему, решил, что пришло время остепениться, а Стешка – девка симпатичная, как поведёт глазищами своими бездонно-голубыми, как посмотрит на него нежным обволакивающим взглядом, так забывал про всё Мишенька. Ну и любит как собачонка преданная и матерью хорошей детям должна стать. Но нет-нет, да прорывался наружу Мишенькин кобелизм, вот и в тот день облизывался Миша, бросая мимолётные взгляды то на высокую Зинину грудь, то на округлые бёдра, легко читающиеся под ситцевым платьем. И между всем этим богатством – осиная талия на пояске, Мишеньку от таких фигур всегда на подвиги тянуло. «Но не при Стешке же окучивать свояченицу! А какой вариант, – пожалел об упущенной возможности подполковник, – хороша сестрица!» И, ведя свою благоверную под ручку по запруженным народом Садовой и Невскому, Мишенька ещё долго смаковал разные подробности конституции Зины.

Зина с грустью глянула парочке в спину и решила пройтись пешком до конца Садовой, так хоть немного хмель выветрится. К вечеру распогодилось, солнце пригревало совсем не сентябрьски, из Детского парка за Юсуповским дворцом доносились людские голоса и щебетанье птичек, на ветру шумели деревья ещё не опавшей листвой. В лучах солнца блестела гладь небольших прудов. Природа проснулась после затяжных дождей, и люди тоже старались не упустить, возможно, последний погожий денёк перед долгой серой осенью и холодной зимой. Несмотря на рабочий день, в парке было полно народа: мамы и бабушки с детишками, школьники, гонявшие мяч, парочки, удобно устроившиеся на скамейках и просто одинокие старички, вышедшие погреть свои косточки. Зина тоже присела. В общезитие не спешила, туда уже соседки вернулись со смены и, наверняка, привычно галдят о своих проблемах, а ей хотелось побыть одной. Хоть немного, хоть чуть-чуть послушать живую музыку осеннего дня.

* * *

Она проснулась, когда уже стало темнеть. Протёрла глаза, огляделась вокруг, людей в парке поубавилось. Птички замолчали, исчез детский гомон, только шушуканье последних парочек нарушало вечернюю тишину. На Садовой прогремел трамвай. Обычная картина, но что-то было не так. Холодный пот выступил на лбу, свёрток, где свёрток с отрезом и носочками? Она его положила рядом и ладонью сверху прикрыла. Но её рука упиралась в холодное дерево скамейки. Отреза не было. «Стащили, сволочи поганые, – выругалась Зина, – ну почему мне всегда не везёт. Даже сегодня, когда после долгой разлуки нашлась сестра, такая удача и такой финал!» Зина выдохнула, всхлипнула раз, другой и заревела. Она плакала долго, её пытался утешить какая-то бабуля, оставившая для этого важного дела своего внука на несколько минут. Наверное, последняя бабушка в парке. Но Зина никого не хотела слышать и видеть тоже. Она медленно поднялась и зашагала, всё быстрее и быстрее по направлению к трамвайной остановке.

В общезитии уединилась на чёрной лестнице, там стояла, оперевшись об оголённый металлический каркас перил, деревяшки были давно оторваны. Зина долго рассматривала в полутьме карточку художника, вертела её в руке, подносила ближе к свету. Читала, медленно шевеля губами:

Водовозов Александр Николаевич
Член Союза художников
Заслуженный деятель искусств РСФСР

Потом выпрямилась и решительным шагом направилась к себе в комнату. Пора ложиться, завтра опять рано вставать. Завтра – на смену. Но после работы она позвонит ему. «Будь, что будет, посмотрим, – решила Зина, – может, он и не извращенец, а просто немного странный интеллигентный человек. Манерам-то подполковник Мишенька мог бы у него поучиться. Приработок опять же и среда другая, не пропахшие карболкой медсёстры да полуграмотные девчонки с фабрики».

Три дня Зина, зажав в кулачке карточку Водовозова, спускалась вниз, ко входу. Там висел, пришпиленный к стене старенький телефонный аппарат, похожий на маленький чемоданчик. Звонок стоил пятнадцать копеек, деньги – вахтёрше в фанерной будке, напоминающей огромных размеров скворечник. Та ими распорядилась, как хотела, никакого учёта не было. Что-то себе оставляла, что-то комендантше сдавала. Но, конечно, не пятнадцать копеек являлись преградой и даже не любопытная дежурная по вахте, всегда норовившая подслушать. Делать-то ей нечего, а так какое-никакое развлечение. И информация. Знать, кто куда ходит, кто с парнями встречается. Хочет, пусть знает, Зину совершенно не смущало то, что её разговор подслушают. По телефону она ничего конкретного говорить не собиралась. Нет, три дня Зина пыталась построить в голове предстоящий разговор, и три дня он никак не желал складываться. Всё какие-то несуразные словечки, сумбурные объяснения представляла себе. А вдруг спросит: «И чего ж это вы, любезная, вдруг решились?» Ну не рассказывать же ему про Стешку и украденный свёрток с отрезом!

Наконец, на четвёртый день, также не представляя себе, что сказать, кроме того, что согласна, она решительным шагом миновала вахтёршу и подошла к телефону. «Будь что будет, – решила, – станет спрашивать что да почему, просто брошу трубку и всё!»

На том конце провода долго не отвечали. Зина уже намеревалась повесить трубку, как вдруг что-то щёлкнуло и в ухо ударил резкий женский голос:

– Я слушаю!

– Это квартира Водовозова?

– Нет, – как обрезали, – это моя квартира!

«Неужели ошиблась», – Зина глянула ещё раз на визитку.

– Ну что же вы молчите, девушка?

– Мне бы Водовозова, – промямлила Зина и тут же сообразила, что сморозила глупость.

– А Илью Репина не желаете? Водовозова вы не получите! Он мой. Он мой муж!

– Простите, – совсем растерялась Зина, – а поговорить с ним можно?

– О чём, позвольте полюбопытствовать?

– Насчёт работы, он мне работу предлагал. Позовите его, пожалуйста! – голос Зины дрожал.

Там помолчали какой-то миг и ответили:

– Хорошо. Минуту!

Тут же Зина услышала громкий зов, пробившийся даже в навверняка болтающуюся вдоль стены трубку:

– Са-а-ашенька! Тебя-я-я! Опять натурщица. Может хватит тебе голых девок рисовать, пора остепениться уже.

Зина внутренне сжалась в комок: «Опять натурщица? Голых девок рисовать?» Нет уж, со мной этот номер не пройдёт!»

Вскоре послышался мужской голос: «Да что-ты, Глашенька, что ты!». Затем – твёрдые мужские шаги, под ними пол скрипел ровно и даже слегка музыкально, лёгкий треск мембраны и знакомый, хоть и слегка исковерканный телефоном, приятный голос произнёс:

– Водовозов у аппарата!

– Здравствуйте, – взяв себя в руки, как можно более ровным тоном проговорила Зина, – четыре дня назад в Гостином дворе Вы мне предложили работу, – Зина снова умышленно

опустила слово «натурщицы». Хоть ей и было, по большому счёту, наплевать на реакцию вахтёрши, заточившей уши в сторону телефона, но всё-таки не хотелось, чтобы всё общежитие было в курсе характера её подработки.

– Да, да, конечно, помню. Так Вы согласны? – художник явно обрадовался такому повороту Зинино настроения.

– Да, – с чувством некоторого облегчения ответила Зина. Главное она, наконец, сказала, и вакансия, так сказать, ещё не уплыла. А ведь за это время художник мог не одну уговорить. Что ему стоит, мужчина видный, солидный, а деньги всем нужны.

– И когда Вы сможете подойти на пробный сеанс?

«Значит, сначала посмотрит, Вообще-то логично, а вдруг я идиотка безмозглая. Откуда ему знать?» – мысленно согласилась с Водовозовым Зина.

– Послезавтра я выходная, могу в любое время. А это очень трудно будет? – Зина сознательно избегала слова «позировать» – вахтёрша была начеку.

– Как Вам сказать. Надо быть способной провести час или два без движения, сохраняя при этом естественность позы и некоторую расслабленность. Мне почему-то кажется, что у Вас получится. Я ведь немного наблюдал за Вами там, в Гостином Дворе.

– Я п-п-постараюсь, – чуть-чуть запинаясь пробормотала Зина, оказывается, позировать не так просто, как она думала, – у меня ещё вопрос.

– Говорите же.

Зина замялась, как получше выразиться, чтобы вахтёрша не поняла.

Но Водовозов сам догадался:

– Вы про то, что имела в виду моя супруга, наверное? Успокойтесь, ваша работа будет не такая.

– Ну если так, то во сколько мне подойти?

– Если послезавтра, то приходите, девушка, в мастерскую в десять. Там адрес указан. – имея в виду визитную карточку, добавил Водовозов. – Договорились?

– Да.

– Вот и прекрасно, буду ждать.

Они быстро попрощались, и Зина повесила трубку.

Только вахтёрша, принимая пятнадцать копеек, не удержалась и полюбопытствовала:

– Что халтурку нашла?

– Да, – с готовностью ответила Зина, она ждала этот вопрос, – попросили с больной бабулей посидеть в выходные. А то там хозяйка разывается, у неё и дети, и готовка, и магазины и лежащая больная.

– Ну дело хорошее, Бог в помощь.

– Спасибо, – это Зина крикнула уже с лестницы. Она была довольна собой, наконец-то, решила, позвонила и, самое главное, удачно. Теперь важно соответствовать, не двигаться, быть расслабленной и, прежде всего, правильно поставить себя, чтобы не приставал старый хрыч. Он ведь ещё и женатый, к тому же явно подкаблучник, а такие страсть как любят оторваться при первой возможности. Как глазами-то стрелял в магазине! Нет уж, «Сашенька», со мной ничего у тебя не выйдет! Известный художник, да, их бабы не упускают, возле каждого женатого или неженатого крутится, наверняка не одна, вот и пусть крутятся, другие.

Тут Зина поймала себя на том, что она вдруг стала оценивать вероятность поползновений будущего работодателя в её сторону. «Тьфу ты, я ведь его совершенно не знаю. Само собой, что он мне даром не нужен. Подумаешь, деятель искусства! Да, обеспеченный, но я и сама себя обеспечу, только дай время. А мужики, конечно, их дефицит огромный по нынешним временам, но после Вали на кой ляд они мне без любви, за просто так? Чтобы ребёночка родить? Эх, Валя, Валя! Почему тебя нет?»

Они встречались целый месяц. Уже и экзамены не мешали. Зина готовилась по ночам, спала по три-четыре часа. По утрам было жутко тяжело просыпаться под треньканье будильника, но каждый день после консультации, экзамена или штудирования трудов по анатомии и уходу за больными она бежала к заветному месту в городском парке. Валя, как правило, её уже ждал. В этом укромном местечке за запущенном яблоневым садом, отведав душу первым долгим поцелуем, они садились на два пенька друг напротив друга. Валя загребал в свои большие ладони её натруженные, перетянутые синими жилками, руки и долго не отпускал их. Вокруг пели птички, ветер колыхал зелёную листву, где-то раздавались голоса людей, но ничто им не мешало наслаждаться уединением. Время от времени Валя притягивал Зину, сажал её на коленки лицом к себе, и они снова и снова предавались сладости затяжных, бесконечных поцелуев.

Валя давал волю рукам, они нежно касались её кожи, гладили её и были повсюду – под блузкой, под расстёгнутым, едва державшимся на сочных Зининых грудях лифчике, под юбкой и даже там, где она быстро становилась мокрой от его ласок. Больше было нельзя. Во всяком случае не на траве около двух пней и не так быстро. Зина была не готова. Не то чтобы она стремилась сохранить себя до первой брачной ночи. Вовсе нет. Но пока решиться на такой шаг она была не в состоянии. Валя знал, и Зина ему доверяла, верила, он не преступит черту, которую она мысленно провела в их отношениях. Так было всякий раз, и всякий раз в тот момент, когда уже казалось, что всё, сейчас ЭТО случится, Зина находила в себе силы отвести Валину руку и сказать: «Нет, слишком скоро, не здесь, подожди». Валя безропотно повиновался, хотя понимал, будь он понастойчивей, Зинина плоть взяла бы верх над разумом. Но он не хотел добиться её обманом, он ждал сознательного шага навстречу. По несколько часов они проводили отшельниками в своём маленьком раю, одни в большом океане жизни. Когда уставали целоваться, бродили в обнимку по самым удалённым аллеям. Они не хотели сталкиваться с чужими взглядами, им было хорошо вдвоём. Чтобы больше никого.

А жизнь тем временем шла, двигалась к той страшной черте, что разъединит их навсегда. В один погожий воскресный день, часов в пять, они возвращались из своего почти ежедневного пристанища. И сразу бросилась в глаза перемена, происшедшая во всём. На лицах встречных прохожих читалась какая-то озабоченность, из репродукторов не лилась жизнеутверждающая музыка выходного дня, а гремели сплошные бравурные марши, около продуктовых магазинов выстроились длинные очереди. Люди в них кричали, ругались, отталкивали друг друга. Зина и Валя недоумевали, неужели вдруг выбросили в продажу все дефицитные товары сразу? Но подходить, интересоваться они не стали. Какое им дело до всего этого, до житейских проблем обычных людей? Ведь у Зины есть Валя, а у Вали – Зина. Только на пороге Зининогo общежития удивлённая их неведением встречная девчонка из соседней комнаты сообщила им страшную новость – война.

Валя получил диплом 24 июня, Зина – двадцать пятого. А двадцать седьмого он пришёл на свидание с повесткой из военкомата. Через два дня он должен был явиться на сборный пункт. Их счастливому маленькому раю оставалось жить сорок шесть часов. Зина только ахнула при виде типографского бланка с вписанной в него Валиной фамилией. Конечно, она понимала – война, Валу могут призвать, её, как медсестру, кстати, тоже. Но так внезапно. Ещё вчера они целовались как сумасшедшие, и даже девчонки-соседки по комнате стали подшучивать над ней. От них не укрылся вид распухших Зининых губ и покрасневшая кожа вокруг них. Как будто на полном серьёзе расспрашивали, где это она пропадает целыми днями, неужели всё ещё зубрит в библиотеке ненужные уже учебники, А потом нет-нет да кто-нибудь обязательно заметит: «Смотрите, девчонки, наша Зина бесконечно что-то так учит, что аж губы пухнут!». Со всех пяти соседских коек грохало смехом. Зина отшучивалась, как могла, но все понимали: она влюбилась.

И вот совсем скоро этого ничего не будет. Валю отправят на войну, на фронт, лечить раненых солдат. А на войне убивают. Неожиданно для себя Зина расплакалась. Валя долго утешать не мог, ему надо было бежать в фельдшерскую школу. Он лишь крепко поцеловал её и сказал, что после школы зайдёт за ней в общежитие.

Зина, вытерев слёзы, побрела домой. По дороге ей встретилась преподавательница фармакологии, Анастасия Матвеевна, очень хороший, добрый и чуткий человек. Зина быстро поздоровалась, собиралась улизнуть поскорее, чтобы избежать нежелательных расспросов. Но расстроенный вид ученицы не ускользнул от внимательных глаз умудрённой жизненным опытом женщины. Она почти силой остановила Зину, подвела к скамеечке около памятника Кирову и заставила выложить всю правду. Молча выслушав Зинину исповедь, глянула ей прямо в глаза и спросила:

– Ты, действительно, так сильно его любишь? Может, тебе просто жаль потерять завидного кавалера?

– Люблю я его, люблю, не знаю, как жить без него буду, – всхлипывая призналась Зина.

– Ну жить-то сможешь, не ты первая, не ты последняя. А у вас отношения далеко зашли? Зина вскинула удивлённый взгляд на Анастасию Матвеевну.

– В каком смысле?

– Ты поняла.

Зина немного помялась:

– Ну целовались.

– И всё?

– Ну нет, но того не было, того, что Вы имеете в виду.

– Понятно. Вот что я тебе скажу, Зиночка. Твой любимый уходит на войну. Война эта будет долгая, Германия – не Финляндия. Всё может случиться, и с ним, и с тобой. Дай ему то, что ещё не дала. Кто знает... – тут Анастасия Матвеевна запнулась, помолчала и продолжила. – У меня в четырнадцатом году любимый тоже ушёл на фронт. Ушёл и не вернулся. Пал под Перемышлем. А я больше никого не полюбила потом. Знаешь, мужчины были, но всё не то. Любви не было. И до сих пор я корю себя, что другим позволяла то, что не разрешила ему. Исполни все его желания. И у него ниточка останется, она будет ему помогать за жизнь цепляться. За тебя.

Изумлённая внезапным поворотом разговора, Зина не знала, что ответить. А Анастасия Матвеевна продолжила:

– Пойдём ко мне, я у подруги могу переночевать две ночи, только вещички кое-какие заберу. А ты не стесняйся, будь там как дома. У тебя любимый на войну уходит. А если он загушается, так ты помоги ему. Мужчин долго уговаривать не надо. Пошли, – властно произнесла Анастасия Матвеевна и направилась в сторону, противоположную от Зининогo общежития. – Пошли, пошли, – повторила она.

Ошеломлённая Зина повиновалась зовущему движению руки своей преподавательницы и последовала за ней.

Когда запыхавшийся Валя прибежал в общежитие, Зина ждала его внизу. Она не стала ему ничего объяснять. «Там» он сразу всё понял сам и все отведённые им судьбой сорок часов они провели вместе, в маленькой комнатке большой коммунальной квартиры в самом центре города.

* * *

Зина подошла к двери, постояла, не решаясь нажать на большую чёрную кнопку звонка. Ещё раз прочитала табличку «Водовозов Александр Николаевич» и позвонила. Коротко, робко и быстро, чтоб никто не увидел. Так ребёнком она хватала со стола недозволенное лакомство.

С той стороны никто не подходил. Она вдавила кнопку сильнее и протяжнее. За дверью послышались шаги. Те же твёрдые, уверенные шаги сильного, энергичного человека.

– А это вы, – лицо Водовозова расплылось в улыбочке, чуть ли не доставая до волнистой чёлки, – заходите, милочка, заходите. Я как раз чаёвничаю, не желаете чайку?

– Нет, спасибо, – едва переступив порог, Зина замялась, не зная, что делать дальше.

– Позвольте я приму Ваше пальто, – Водовозов протянул руку. Несмотря на вежливую форму, тон больше напоминал приказ.

Зина повиновалась, сняла пальто и подала его вместе с беретом Водовозову.

– Ну проходите, что ж вы стесняетесь?

Но Зина как будто застыла на месте рядом с подвешенным к стене небольшой прихожей телефоном.

– Что-то не так? – осведомился хозяин мастерской. – Выкладывайте, что у вас.

– Мы не оговорили расценки. Я хотела бы знать какая будет оплата.

– А, вы об этом. Ну что ж, это логично. Вы кем работаете?

– Медсестрой в больнице.

– Так, значит зарабатываете рублей четыреста?

– Да, чуть больше, – соврала Зина.

– Вы же посменно работаете, пару раз в неделю позировать сможете?

– Смогу.

– Ну у меня будете зарабатывать больше. Если, конечно, мы сработаемся.

Тут Зину аж передёрнуло: «Сработаемся? Что он имеет в виду?».

Водовозов заметил Зинину реакцию и поспешил успокоить:

– Это то, о чём я говорил по телефону. Нужно уметь оставаться практически без движения часами. Двигаться, шевелить конечностями только по моему разрешению. И при этом сохранять естественность и расслабленность поз. В общем, на первый взгляд ничего сложного, но это только на первый взгляд. Ой, Боже, что же мы стоим в предбаннике, проходите в мастерскую, – он подвинулся в сторону, пропуская Зину вперёд к широкой двустворчатой двери с гофрированным стеклом, через которое проникал только солнечный свет.

Зина вошла в мастерскую и едва не охнула от удивления. Просторная, метров шестьдесят квадратных комната с высоким, раза в полтора выше, чем в общежитии, потолком, через большие окна всё заливал ослепительный свет утреннего солнца. Сверху свисала старинная бронзовая люстра с опущенными вниз плафонами в виде белых цветочков. В правом углу – тоже белый, эмалированный рукомойник. В противоположном – огромная стопка альбомов. Стены, расписанные, видимо, самим художником в приятный, неназойливый растительный орнамент мягких, бежевых цветов, были почти целиком заставлены картинами. Картины, картины. Прислонённые к стенам и даже к стульям на Зину смотрели физкультурники и физкультурницы, строители, шахтёры, колхозницы, солдаты. Благодаря им мастерская производила впечатление небольшой, правда, слегка хаотично устроенной художественной галереи. «Прямо доска почёта городская, все довольные, счастливые и радостные», – подумала Зина. Но вслух восхитилась:

– Сколько у вас картин, как вы здорово пишете!

– Здесь больше эскизов пастелью. Детали картин. Законченные работы у меня как правило, не залеживаются долго. Много вообще пишу под заказ. Так я не закончил насчёт нашего сотрудничества. Я буду платить Вам в частном порядке. Хотя, на самом деле, есть и официальные расценки, они не очень высокие, имеется даже целая категория граждан и гражданок, которые живут этим. Их принято называть не натурщиками, а демонстраторами пластических поз. Это довольно большой отряд, как считается, профессионалов, работников своего рода творческого жанра. Но мне больше импонируют люди с улицы, как вы. У таких как вы, видишь свежесть, натуральность положений, незамусоленность, извините за выражение, а профессио-

налы – это зачастую, как актёры одной роли. Они привыкли к своей работе, и их очень трудно подвигнуть на нестандартное, живое, а не застывшее воплощение пластики тела и лица.

Зина не знала, что сказать, если честно, то она с трудом представляла свою миссию.

– Вот так. Возможно я немного сумбурно выражаюсь, но мне, кажется, вы меня поняли. Художник впился глазами в Зину в ожидании ответа.

А она после некоторой паузы смогла лишь выдать одно слово: «понятно».

– Ну что ж. С Вашей помощью я хотел написать картину о нашей сегодняшней жизни. Страна восстанавливает разрушенное войной хозяйство, и я замыслил изобразить девушку на стройке. Она будет катить тачку с битым кирпичом. Тут главное не только поза, но и выражение лица. На нём должно быть заметно и усилие, и удовлетворение от работы. Она расчищает новую жизнь от завалов, оставшихся от войны. За ширмой одежда, переоденьтесь, пожалуйста, аккуратно, не споткнитесь об обломки, мы же на стройке, – пошутил Водовозов, – и примите примерно такое положение.

Водовозов протянул Зине фотографию. На ней женщина лет тридцати на фоне разрушенного кирпичного дома толкала тачку со строительным мусором. Одежда её выглядела несколько странно: рабочий комбинезон со спущенными с плеч лямками (она их завязала за поясом, чтоб не болтались) и заляпанная, когда-то светлая, футболка, плотно облегающая тело. Видимо, ей было жарко.

– А вот ваша тачка, у дворничихи одолжил, – Водовозов выкатил из угла примитивную конструкцию на деревянных колёсиках, в таких дворники обычно возят метлы и объёмный мусор, – с ней вам будет легче держать требуемую позу.

Зина опять кивнула. Ей очень хотелось попробовать и угодить Водовозову. Она даже представила своё лицо на выставке его картин – напряжённое от усилия, но смотрящее вперёд, туда куда её ведёт кисть этого художника. Ну не прямо в коммунизм, конечно, а всё же в какое-то светлое будущее. Оно ведь должно наступить. Ну хотя бы у неё.

Однако на деле вышло не так гладко. Пять часов постоянного позирования, во время которого она пыталась выглядеть естественно, натурально, не напрягаясь больше нужного. Это оказалось чрезвычайно тяжело. Через минут пятнадцать заболели кисти. Потом появилась боль в спине, начали затекать пальцы и запястья. Выдержав позу три четверти часа Зина попросила пощады. Она больше не могла.

Водовозов позволил лишь небольшой перерыв на чай, но картину посмотреть не дал. «Потом, милочка, потом». И опять началось. То же положение, и те же боли. Затем опять перерыв и снова работа. Не такая уж простая, как ей казалось ещё несколько часов назад. Сначала Водовозов набрасывал картину угольным карандашом, выводил контуры, курил, смотрел на Зину, как будто искал в ней разгадку чего-то. Иногда подходил и почти требовал: «Не напрягаться, естественней, смотрите вперёд, не вниз!» И ни одного лишнего движения в сторону её тела, никаких намёков на КвадратИвановщину. Как бы чувствуя Зинины опасения, художник вёл себя предельно корректно. Лишь когда он снова и снова смаковал детали её фигуры («Вот так, чудесно, грудь великолепно смотрится, торс напряжён, молодец!»), лишь в эти мгновения Зине становилось немного не по себе. Ей казалось, что за словами могут последовать действия. Но ничего подобного не случилось. Водовозов рисовал, стирал и снова резкими, короткими движениями наносил линии на холсте. Наконец перешёл к маслу и ещё через пару часов объявил: «Всё, на сегодня хватит!», она взглянула на мольберт со стороны художника. Каково же было её разочарование от вида нечётких пятен внутри линий и чёрточек, лишь отдалённо передающих силуэт «девушки с тачкой». Лицо Зины ещё вообще не прочитывалось, будто на него краски не хватило, – только овальный набросок с затянутыми в толстый хвостик волосами.

Но Водовозов остался доволен:

– Вы прекрасно справились со своей ролью, я именно это и ожидал, – сообщил, довольно потирая руки, художник, – вот, возьмите, ваши честно заработанные.

Он протянул Зине две двадцати пяти рублёвых купюры.

Она с недоверием посмотрела на деньги:

– Это мне?

– Вам, кому же ещё!

– Но ведь это много!

– Вы их заработали, берите! И завтра жду вас, в это же время. Ведь завтра у Вас выходной, я правильно понял?

– Да, завтра, – немного растерянно произнесла Зина, мусоля в ладошке мятые купюры.

Сто рублей она зарабатывала за неделю, часов пятьдесят суматошного метания по отделению между больными и врачами, с грелками, баночками с мочой, термометрами и шприцами. А тут – по большому счёту ничего не делала, правда, устала очень, но пять червонцев!

Назавтра она пришла в назначенное время и всё повторилось – поза с тачкой, Водовозов, расчерчивающий холст углём, и очередные пятьдесят рублей. Зина стала входить во вкус. Ей нравилось приходить к художнику, нравилось позировать, она чувствовала некую сопричастность с миром искусства, миром, соприкоснуться с которым стремилась ещё в детстве. Да, совсем не так она представляла себе это тогда. Но после опустошающих дневных смен и бессонных ночных дежурств в больнице даже скромная роль «демонстратора пластических поз» позволяла ей вырваться в совершенно иную реальность, в которой вместо камфоры и грелок были мольберты, картины и художник. И он писал картину с неё. А может, за эту картину он удостоится Сталинской премии, и она будет висеть в Третьяковской галерее? И на неё будут смотреть люди? Завтра, через десять, через сто лет! Ведь все эти Моны Лизы, Джоконды давно ушли, умерли, нет их на свете, а образы их живут, живут в глазах и умах людей. Так и она может будет жить!

И Зина старалась. Она всё делала так, как говорил Водовозов. А, он, сменив мягкий, слегка заискивающий тон первых дней их знакомства, становился всё более требовательным, даже временами жёстким: на третьем сеансе исчезло слово «милочка», он уже говорил ей «ты» и его просьбы звучали теперь как приказы. Но Зина, не рассуждая, выполняла все его пожелания. Однажды первым делом он приказал, да почти приказал, раздеться до нижнего белья. Ему нужно было лучше видеть тело, все детали её конституции. Зина даже не попробовала ему перечить. Надо – так надо. Это её работа. Она и так порой уже чувствовала себя голой, создавалось впечатление, что художник ошупал всю Зину, ну, как минимум, взглядом. Поэтому она, несколько не стесняясь, скинула с себя верхнюю одежду, стянула многократно штопаные, толстой ткани, чулки и долго оставалась в стареньких застиранных трусиках и сшитом самолично лифчике. Водовозов как-то странно хмыкнул, когда увидел её женскую амуницию, долго ходил вокруг, рассматривал. «Как к лошади приценивается», – невольно пришло в голову сравнение. Наконец, он отошёл и разрешил одеться.

В следующий раз на маленьком стульчике за ширмой, куда Зина складывала свою одежду, лежали великолепные тоненькие фильдеперсовы чулки. Она некоторое время стояла, не зная, что делать. Принять такую вещь казалось ей равнозначным шагом к чему-то большему. А большего она абсолютно не желала. Уважая, почти благоговей перед своим художником, она видела в нём только художника, но никак не мужчину. И хотя Водовозов выглядел вполне достойно – только на уровне пояса прочитывалось нечто лишнее – и был очень обаятельным, Зина никак не могла даже поставить его рядом с Вале́й.

Зина колебалась с минуту, не больше, её пальцы невольно коснулись чулка. Такого у Зины в жизни ещё не было. Присущая почти всем женщинам тяга к красивым предметам туалета быстро взяла верх. Она не отказалась, только уточнила: «Это мне?» и, услышав утвердительный ответ, быстро поблагодарила и стала переоблачаться в строительную робу.

В тот день она пыталась не разговаривать с Водовозовым. Когда он начинал заводить разговор на сторонние темы, она отвечала односложно «да», «нет». И только после окончания сеанса, она уступила ему, одев по его просьбе новые чулки.

– Ну вот совсем другое дело! – оценил Водовозов Зинины ноги. – У тебя очень красивые ноги, такие ноги нельзя прятать под грубой материей. Тебе нужно одеваться по-другому.

Зина только покачала головой. Легко сказать. Даже этого приработка демонстратора пластических поз не хватит, чтобы одеваться хорошо. Ну поднакопит снова талоны, матерьяльчик ещё купит и сама сошьёт, наконец, что-нибудь, Только всё это будет довольно простенько. Где взять что-то достойное? Она не знаменитый художник. Доступа к дефициту нет. Конечно, можно намекнуть Водовозову, но Зина боялась, что такая помощь может обойтись ей очень дорого.

А через месяц Водовозов закончил картину. Зине она понравилась. Девушка толкала тачку, в её позе читалось усилие, а оно подчёркивало, как это ни парадоксально, красоту крепкого, физически развитого, тела. И это было тело Зины, всё было от Зины, только брови не ухожены, не выщипаны. Ну может посчитал, что девушке с тачкой не до того. Зина получила свои деньги, за девять сеансов вышло больше месячной зарплаты и, прощаясь с художником, поинтересовалась нужна ли она ему для других картин. Тот ответил, слегка тушуясь, что да, нужна, но пока не знает, но, когда появится необходимость, он вызовет её телеграммой.

* * *

Время шло, менялись лица вокруг. Жгучего брюнета машиниста выписали. Даже знакомство не завязалось. Он смотрел на Зину, она порой бросала взгляд на него, но ни словом друг с другом они не обмолвились. Никто не решился начать первым, а может и не нужно ему ничего было, может, придумала всё Фима. Несостоявшийся кавалер исчез, осталась лишь рутина, повседневная тягучая, как оконная замазка, рутина. Больница, пациенты, градусники, процедуры, плоскогрудая ординаторша, вечно посматривающая на неё неприязненно и свысока. Зина даже стала догадываться почему. Молодая врачиха явно положила глаз на Квадрата Иваныча. «Вот есть же бабы, – рассуждала Зина, – ничего их не останавливает, ни семья, ни дети, ни возраст мужика. Лишь бы штаны болтались». А Квадрат Иваныч всё своё мужское внимание уделял Зине, даже больные стали замечать, как он нет-нет да похлопает Зину по плечу. Вроде бы по-отечески, но рука оставалась на Зинином халате дольше положенного и немного ниже, норовя добраться до разреза, из-под которого выпирала налитая соком молодости грудь. Зина даже пару раз открыто уворачивалась от подобных «дружеских» жестов, но Квадрат Иваныч не расстраивался и при каждом удобном случае продолжал вести осаду неприступной крепости по имени Зина Клещёва. По малейшему поводу вызывал её в свой кабинет, долго расспрашивал о всякой ерунде и, улучив минуту, когда они оказывались наедине, прижимал её. Зина чувствовала его плохо выбритую щетину, колкий ёжик волос, сопротивлялась, выскальзывала, но получалось не всегда. Начальник был настойчив и не шибко стеснялся. Слова особо не выбирал, был прямолинеен. Однажды, зажал её снова. Правая ладонь опять оказалась на Зинином плече и, выдыхая на Зину запах дешёвого табака, пыхтя как паровоз, пробежавший стометровку, заведующий прохрипел: «Зина, Зиночка, как я хочу попасть в твои клещи!» Зина извернулась и, оказавшись посередине кабинета, всё обратила в шутку: «А я в Ваши уже попала, Кондрат Иваныч. Три года назад!»

Зина приставания начальника принимала всерьёз и тем больше тянулась в другой мир, к художнику и его картинам. Всякий раз, возвращаясь с работы, Зина спрашивала у дежурной вахтёрши, нет ли телеграммы, и всякий раз она слышала отрицательный ответ. Так прошёл месяц, наступила зима. Очередная холодная зима. Зимнее пальтишко поистёрлось, сзади, ниже талии, оставался совсем тоненький слой, на обшлаги рукавов тоже невозможно было

смотреть без боли. Надо бы купить новое, но Зина все накопленные деньги пустила на наряды, и даже несколько десятков талонов на одежду позаимствовала у старшей медсестры. Их надо было отдать до февраля. Женщине к весне нужно было покупать новую одежду подрастающему чаду. «Ну что ж, прохожу как-нибудь эту зиму, а к следующей подготовлюсь получше», – успокаивала себя Зина и наматывала под пальто ещё мамин, грубой пряжи, старенький платок. Вообще-то, если бы Зина могла быть более экономной, давно бы справила себе новое пальто. Ведь некоторым такой же зарплаты ещё и на детей хватало. Но экономной она быть не могла. Для этого нужно, в первую очередь, иметь возможность вести своё хозяйство, что в комнате с четырьмя соседками было трудновато, а во-вторых, считать каждую копейку. А Зина была способна пойти на базар и купить у спекулянта полкило конфет раз в пять-шесть дороже магазинной цены, или масла сливочного рублём по сто пятьдесят за килограмм, но зато без карточек.

Поэтому хороший приработок у известного художника был бы очень кстати. Но Водозов молчал. А Зина ждала. И дело было не только в нехватке денег. Ей стало не доставать мастерской, беспорядочно заставленной картинами и эскизами, запаха красок, льняного масла, самого вида художника, задумчиво водящего кистью по холсту или снимающего мастихином слишком щедрый мазок, не хватало даже облаков дыма, которые он выпускал, раскуривая свои папиросы. Порой, оставшись одна в своей комнате, Зина принимала ту смешную позу с тачкой, которую воображала, и оставалась без движения 15–20 минут, как бы проверяя, не потеряла ли она навык натурщицы. На самом деле, и в этом она боялась себе признаться, ей не хватало той работы и художника Водозова. Её каждодневные безрадостные будни сделали из Водозова почти икону, на которую Зина готова была молиться, лишь бы снова оказаться там. В прокуренной мастерской у той тачки с «битым кирпичом».

В конце концов, она не выдержала и позвонила Водозову. Опять ответила жена. Странно, но за все девять сеансов он ни словом не обмолвился о своей супруге, ни разу не позвонил ей, и она тоже не только не появлялась в мастерской, но никогда не давала о себе знать. Хотя дома она, наверное, командовала своим Водозовым, как генерал на плацу. Снова она позвала к телефону «Сашеньку», и снова Зина слышала на всю квартиру, что ей надоели его голые натурщицы. Водозов шёл долго, мучительно долго, Зине показалось, что он просто не хочет говорить с ней, хотя её даже не попросили представиться. Но она ошибалась. Услышав Зинин голос, Водозов явно обрадовался. Правда, с некоторым сожалением сообщил ей, что сейчас для неё работы нет. «Хотя, – добавил он, поразмыслив немного, – есть небольшая, на втором плане большой картины. Приходи, когда сможешь». Они договорились на следующий день, Зина сознательно позвонила перед выходным.

В этот раз задача была несложной. Стоять, но не скрючившись перед тачкой, а просто оставаться без движения, поворот головы в сторону окна. Даже переодеться не понадобилось. Много времени тоже не потратили, уложились в два приёма, меньше, чем часа по три каждый. Зина даже не поняла для какой картины делался этот эскиз. Прощаясь, Водозов сунул ей опять две двадцатипятирублёвки. Зина приняла и робко спросила:

– Ещё что-то будет?

Водозов изучающе посмотрел на неё и ответил:

– Возможно, – и после небольшой паузы, явно рассматривая её пальто, добавил, – тебе деньги нужны? Могу одолжить.

– Нет, что вы, что вы! – решительно замахала руками Зина. – Я не к тому. – Она немного замялась, но, собравшись духом, выпалила, – мне просто очень нравится эта работа, и... у вас в мастерской нравится.

Водозов хлопнул своими шикарными ресницами, он не ожидал такого ответа:

– Понятно, но, если хочешь, могу дать рекомендацию в Академию художеств, там постоянно нужны натурщицы. Правда, студенты много рисуют обнажённое тело. Это школа, им надо...

– Не-не, – запротестовала Зина. Сама мысль о том, что придётся фактически публично раздеваться, повергала её в ужас. – Нет, я подожду, спасибо, Александр Николаевич.

– Вот и хорошо, я тебе телеграфирую, – тут он задумался, явно что-то считая в уме, – но уже после Нового Года. Тебе будет очень кстати, – он опять помолчал и добавил, – карточки вот-вот отменят. Всё можно будет свободно в магазинах покупать, как до войны.

– Как до войны? – Удивлённо пробормотала Зина.

– Да, именно так, – подтвердил Водовозов, – сведения точные. Не надо будет на тряпки бумажки копить. Пришла в магазин и бери, что хочешь, коли деньги есть.

– А цены, цены такие же будут?

– Не знаю, Зиночка, не знаю. Думаю, что да, такие. Ну, всего хорошего тебе, я дам знать, – Водовозов по праву старшего всегда первым протягивал руку.

Зина сунула свою ладошку, она сразу маленькой рыбкой утонула в большой пятерне художника и никак не могла вынырнуть. «Показалось, – решила она, – может он просто замешкался не вовремя. Случайно? А о позировании голой тоже случайно заговорил? В первый раз и, наверное, не в последний. И что делать, когда сам предложит? Впрочем, чего это я? Когда заведет разговор, тогда и думать буду!»

Зина шла в общежитие по заснеженному городу. Идти было далеко, не меньше пяти километров, но Зина сознательно не поехала на трамвае. Ей хотелось побыть одной, а вечерние улицы в зимнюю пору – самое подходящее для одиночества место. В нечастом для этого времени года безветрии крупными, красивыми пушинками падал снег. Он кружился над головами редких прохожих в ритме какого-то экзотического танца, и это создавало иллюзию зимней сказки в спектакле для детей, спектакля, который Зина никогда не видела и не могла видеть, но почему-то ясно представляла. Было совсем не холодно. Редкий для Ленинграда приятный зимний вечер.

После мастерской Водовозова одна мысль о завтрашнем дне в больнице портила настроение. И чего она тогда так внезапно решила идти в эту школу медсестёр? Ведь кроме этого недотехникума, вполне могла поступить в педучилище. Хотя бы попробовать. Да, седьмой она класс она не особо здорово закончила, уже не отличницей, с четвёрками, к тому же в захудалой деревенской школе. Тяжеловато было, три часа в день только на дорогу уходило, да дела по хозяйству, которые тётка постепенно навалила на неё. Но попытаться-то могла! Ведь вполне приличные оценки получила! Сейчас бы ходила учительницей, в чистый класс, в чистой одежде и никаких тебе клизм и грелок! Ан нет, опять идти завтра на смену в больницу.

Зина попробовала поменять ход мыслей, подумать о другом. «Не будет карточек, как это?» – Размышляла она. Всю её взрослую жизнь жили только по карточкам. До войны их не было, но в деревенском сельпо продавали, по большому счёту, только соль, мыло и сахар. Во время учёбы тоже по магазинам не бегала. Денег не хватало на отрезы. Ходила в том, в чём приехала, да на одну кофточку смогла накопить, подрабатывая санитаркой, платице сама сшила и ботики растоптанные заменила на новые. Завтракала молоком, обедала в столовой, ужинала в общежитии чаем с хлебом, иногда даже с маслом, первую неделю после стипендии – с печеньем или пряниками. «А что, теперь она сможет вот так прийти в магазин и купить конфет? «Мишка на севере», – пару раз попробовала, какое объедение! – Зина перевела дух. – Надо подождать, поживём – увидим!»

16 декабря карточки, действительно, отменили. Продукты не расхватили, хотя хлеб и крупа даже подешевели. Правда, деньги при этом тоже поменяли, и лежавшие у Зины в кошельке 210 рублей в одночасье превратились в двадцать один. Но Зина не долго горевала о потере. В тот же день выдали аванс за декабрь новыми, и она в первый же выходной опять поехала на Невский. И глазам не поверила. Цены на промтовары выросли, но остались вполне достигаемыми, не то, что коммерческие ещё несколько дней назад. В два раза подорожал только проезд на трамвае. Но зато всё можно было купить. Свободно, без карточек, без карточных

талонов. Надо только заработать деньги. Где? Зина знала и терпеливо ждала телеграммы от Александра Николаевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.